

Михаил Михеев

ЗАМОРСКИЙ ВОЯЖ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Михаил Михеев

Заморский вояж

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михеев М. А.

Заморский вояж / М. А. Михеев — «АСТ», 2016 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-098912-6

Ну что, адмирал, ты добился того, что хотел. Предотвратил войну между старой и новой родиной, поднялся на вершину власти, побил врага, тысячу лет строившего козни. Можно почивать на лаврах, растить детей? Увы, вокруг тебя есть враги и есть союзники, которые опаснее любого врага. А за океаном набирает мощь молодая, но хищная держава под флагом-матрацем с полусотней звезд. И рано или поздно вам предстоит схлестнуться. А значит, тебе предстоит визит вежливости. Ведь чтобы посмотреть через прицел на статую Свободы и пинком открыть дверь в Капитолий, стоит совершить ЗАМОРСКИЙ ВОЯЖ.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-098912-6

© Михеев М. А., 2016
© АСТ, 2016

Михаил Михеев

Заморский вояж

В безнадежном бою победителей нет.
В безнадежном бою кто погиб, тот и прав.
Орудийным салютом восславили смерть —
Открывая кингстоны, восславили флаг.

И свинцовых валов полустёртая рябь
Зачеркнула фальшборт и сомкнула края...
Под последний торпедный бессмысленный залп
Мы уходим в легенду из небытия.

И эпоха пройдёт, как проходит беда...
Но скользнёт под водою недобрая весть —
И единственно верный торпедный удар
Победителю скажет, что мы ещё здесь.

И другие придут, это будет и впредь —
Снова спорить с судьбой на недолгом пути.
Их черёд воевать, их черёд умереть —
Их черёд воскресать и в легенду идти.

Алькор. В безнадежном бою

Ба-бах!

Взрыв, хоть и приглушенный водой, прозвучал смачно. Пара офицеров помоложе, Колесников не стал присматриваться, кто именно, даже присели от неожиданности. Ну да, с непривычки страшновато, а чего вы хотели, господа? Это война, а она – не прогулка.

А вообще, положив руку на сердце, новым пополнением он был не слишком доволен. По сравнению с его прошедшими огонь и воду, умеющими до последнего стоять под огнем, знающими свое дело в мельчайших подробностях ветеранами молодежь выглядела откровенно бледно. А самое неприятное, деваться-то было некуда, работать приходилось с тем материалом, который имелся под рукой. Другого просто не будет. Единственно, утешала мысль, что все когда-то были такими, но легче от осознания этого простого факта не становилось. Пока еще эти мальчишки станут настоящими профессионалами...

Когда германский флот после разгрома и захвата Великобритании резко увеличился в численности, обнаружилось вдруг, что использовать новые корабли толком не получается. Нет, освоить технику, созданную по сходным канонам, да вдобавок не самую продвинутую, частью созданную более двадцати лет назад, а частью разработанную в максимально дешевом варианте, труда не составляло, но...

Вот об это самое «но» и разбились кое-какие планы. Дело в том, что у немцев просто некому было разбираться с трофеями. Изначально принятая система комплектования экипажей исключительно на добровольной основе сыграла с флотом злую шутку. Она, конечно, была хороша, привлекая крайне мотивированных людей и обеспечивая быструю и качественную подготовку пришедших. Вот только она же не давала возможности обеспечить плановую, организованную подготовку кадрового резерва. Даже после громких побед, когда авторитет

флота взлетел на невероятную высоту, поток добровольцев оказался не очень велик, а главное, непредсказуем. Сегодня густо – завтра пусто. И как в таких условиях работать?

Выкрутился, конечно. Если уж до того выкручивался, то сейчас вообще грешно было бы упустить ситуацию, но пришлось проявить изобретательность. Для начала всем морякам резко подняли жалованье. Тем, кто служил на кораблях и в морской пехоте, больше, береговым службам меньше, но всем. Учítывая, что роль флота в победе никто не пытался оспаривать, это оказалось не так и сложно продать. Тем более что при незначительной, по сравнению с армией, численности личного состава деньги требовались не такие уж и большие. Роммель, привыкший, что советы адмирала могут казаться неожиданными, но всегда полезными, его поддержал. А Геринг, предпочитая царствовать, но обязанности сваливать на коллег по триумvirату, не стал препятствовать. Данное обстоятельство вновь подняло престиж морской службы, но помогло незначительно.

Тем не менее, лиха беда начало, и следующим пунктом оказалась ломка одной важной традиции немецкого флота. Раньше стать офицером было очень сложно, исключением являлись разве что подводники, а теперь Колесников сделал финт ушами. Наиболее проявивших себя в боях моряков начали в спешном порядке доучивать, кого-то поднимая из матросов в унтер-офицеры, а кого-то по ускоренной программе гоняя уже в офицерских училищах. Азы знают – стало быть, и учить проще. Другое дело, качество подготовки оказалось ниже, чем у тех, кого обучали с нуля и подолгу, но тут уж ничего не попишешь. Дальше или доберут знаний уже в ходе службы, или же останутся вечными лейтенантами, которые тоже нужны. К тому же учили их в бешеном темпе, гоняя по четырнадцать-шестнадцать часов в день, особенно большое время уделяя практике на тех кораблях, на которых людям предстояло служить, и это частично компенсировало недостатки подготовки. Ну и, конечно, в ускоренном порядке доучивали тех, кто уже учился в военно-морских училищах. Только вот, несмотря на лучшую вроде бы подготовку, эти мальчишки были еще необстрелянными, а потому толк из них выйдет далеко не сразу.

Разумеется, освободилось значительное количество мест, куда требовались простые матросы, но их все же готовить быстрее. Нужен только материал. И тогда Колесников пропихнул организацию призывного набора взамен добровольного. В общем, дело сдвинулось с мертвой точки и не спеша, как тяжелый локомотив, начало разгоняться. Но боже, сколько нервов это стоило адмиралу! И время он все же изрядно упустил. Подготовка экипажей растянулась на добрых полтора года, и все это время противник тоже не сидел сложа руки. Американцы кто угодно, но не дураки, и промышленность у них могучая.

У союзников и вассалов дела тоже обстояли не слишком радужно. Французы, неплохо показавшие себя во время сражений с Британией, не слишком рвались воевать за океан. Пассионариев у них еще в Первую мировую выбили капитально, и адмиралу Жансулю приходилось крутиться как ужу на сковороде, с бору по сосенке собирая экипажи и обеспечивая ремонт и обслуживание своих потрепанных кораблей. Один «Жан Бар», который, как печально шутили сами французы, вот-вот проржавеет насквозь прямо у причала, чего стоил. Ну да французскому адмиралу хотя бы не требовалось резко увеличивать количественный состав, да и финансирование шло из Берлина. Точнее, шло оно от его собственного правительства, но продавливали его немцы. Старик Петен пищал, как лягушка под бегемотом, но требуемые суммы отстегивал, и Жансуль, которому Геринг в личной беседе официально пообещал, что следующим президентом Франции будет он, старался, как мог. На него можно было положиться, личная заинтересованность – великое дело, но все равно ресурсов банально не хватало, и это обстоятельство серьезно тормозило процесс.

Не лучше обстояли дела и у итальянцев. Нет, повоевать Италия в лице Муссолини хотела, еще как хотела. Желательно лежа на диване и давая ценные советы, с тем, чтобы получить после этого свою долю трофеев. Подождав с полгода (работы и у самих было столько, что

Колесников приползал домой обычно уже за полночь, а то и вовсе оставался ночевать в штабе, за что регулярно получал нагоняи от Хелен) и убедившись, что дела у макаронников так и не сдвинулись с мертвой точки, адмирал полетел в Рим лично. Там долбаный дуче за два дня ухитрился довести его до белого каления да еще и попытался в постель к адмиралу подложить знойную красотку. Не сам, конечно, но итальянская разведка явно работала с его ведома. Не учли вот только, что Лютьенс – не мальчишка, который с воплем кидается на все, что имеет грудь и задницу, а дома его ждет женщина, которая и чертовски красива, и далеко не ханжа. В общем, попытка сбора компромата на немецкого адмирала провалилась, а затем для итальянцев начались сложности.

Примерно через неделю после того, как немецкий адмирал улетел не солоно хлебавши, торговые связи между Германией и Италией начали прерываться. Да и не только между ними. Примерно в течение месяца Италия оказалась в ненавязчивом, но плотном кольце экономической блокады. И организовано все было так, что придраться-то не к чему. Все уже заключенные контракты выполнялись с немецкой педантичностью, вот только сверх этого прекратилось все – закупки, поставки... Деликатно закрылся для итальянских судов Суэцкий канал. Как? Да очень просто. Цены на проход вдруг стали такими, что сделали его невыгодным. Американские корабли, кстати, тоже не пускали, причем тем же самым способом. Гибралтар, правда, остался для итальянских кораблей (в отличие от американских) открытым, но вот проблемы с пополнением запасов топлива у итальянцев возникли моментально. Ну, не обслуживали их в подконтрольных Германии портах, а это – вся Европа. К блокаде тут же присоединились Турция, Франция, Испания, а с ними вместе и прочая мелюзга. Большинство из них и радо было бы нагреть руки, заместив на итальянском рынке Германию, но им было четко и недвусмысленно указано: если что – то сразу. Связываться с немцами никто не захотел. Оставался еще СССР, но его товарооборот был невелик и никак не мог помочь разом скатившейся в минус итальянской экономике.

Дуче рвал и метал, плевался слюной и писал в потолок, но сделать ничего не мог. Будучи неглупым человеком, он хорошо понимал: упадет уровень жизни – пойдет вразнос страна. Это не немцы и не русские, способные стиснуть зубы и терпеть, по приказу или ради будущего. Это – итальянцы, народ одновременно инфантильный и импульсивный, не слишком управляемый, причем как простые люди, так и куда более опасные представители крупных промышленных и финансовых кругов. За счет сильной руки всех их можно держать в повиновении... недолго. Потом, даже если не устроят революцию, то просто разбегутся. А договориться не получалось. Пришедшие на смену Гитлеру люди были прагматиками, и идеологию ценили только как средство достижения собственных целей, во главу угла не ставя. К тому же ход с экономическим давлением оказался с их стороны полной неожиданностью. Военные туповаты, Муссолини до недавнего времени был в этом искренне убежден. От них можно ожидать чего-то резкого, возможно, силового, но как раз для этого повода он не давал. Вот так же, с чувством да по кошельку.

В общем, сопротивлялся он недолго, после чего согласился с выставленными ему условиями, куда более жесткими, чем озвучивались изначально. И Италия начала подготовку к войне, теперь уже под присмотром немецких контролеров, аккуратно, но жестко прибирающих власть в стране. «Папаша» Мюллер оказался на высоте, поставив сюда опытных и знающих людей, так что процесс теперь шел вполне удовлетворительно, хотя, конечно, как всегда хотелось бы большего.

Ба-бах! Ба-бах! Сразу два снаряда подняли столбы воды метрах в сорока от борта «Шарнхорста». Американцы стреляли на удивление неплохо, вот только с такой дистанции попасть в цель крайне сложно. Тут уже не мастерство, тут статистика. Выпустив весь боекомплект, можно рассчитывать на два-три попадания, вряд ли больше, а по маневрирующей цели и вовсе.

Немцы пока не отвечали – в отличие от янки, они не боялись сходить борт в борт. Зато когда дело все же дойдет до реальной схватки, в их погребах останется больше снарядов.

– Идите в рубку, – не оборачиваясь, приказал Колесников. – Эти сдуру могут и попасть. Не хватало еще, чтобы нас случайным снарядом посеколо.

Чем хороши немцы, так это дисциплинированностью. Отдав приказ, можно не сомневаться, что его будут выполнять. В этом плане с любящими побравировать храбростью русскими намного сложнее. До недавнего времени Колесников и не предполагал, насколько отвык от этого свойства чересчур иногда широкой русской души. Общаясь в основном с немцами, он даже сам не заметил, как стал чрезмерно упорядоченным. Если бы не Хелен, то вообще стал бы истинным арийцем.

Воспоминание о Хелен вызвало у него улыбку. Наверняка глупую, ну да плевать – и смотреть на него некому, и сам он обращен лицом к морю. В нарушение собственного приказа постоял еще несколько минут, бездумно всматриваясь в неяркие вспышки орудий на горизонте и вспоминая...

Как ни странно, проблемы оказались и с Советским Союзом, чему Колесников оказался донельзя удивлен. Уж он-то, заставший СССР во всех стадиях, кроме разве что довоенной, привык, что, во-первых, если его страна союзник – значит, нет никаких оговорок, а во-вторых, что при Сталине была масса перегибов, зато был порядок, все ходили строем и вкалывали, как папы Карло. Такие вот догмы, наложенные эпохой домислов... На самом деле все складывалось несколько иначе.

Самым большим шоком для Колесникова оказался тот факт, что власть Сталина была отнюдь не абсолютна. Нет, разумеется, она и впрямь подавляла воображение; реальных противников, способных бороться с ним на одном уровне, Виссарионыч сожрал давно. Прежде чем они слопали его самого, что характерно. Однако помимо них имела еще толпа народу, которые и работали вроде бы, и колебались в точном соответствии с изгибами генеральной линии партии и правительства, но при этом лелеяли и свои, местечковые интересы. Групп, группочек и подгруппочек оказалось столько, что Колесников так и не понял, каким образом Сталин ухитряется с ними управляться, балансируя среди их интересов, умея заставить работать и при этом не расстреляв всех и разом. Все же он был не политик... Тем не менее, как-то, в личной беседе не выдержал и поинтересовался. Ответ, классический донельзя, многое объяснил. «У нас нет других людей, работаем с теми, которые есть», – пыхнул трубкой Сталин, и немецкому адмиралу осталось лишь развести руками, признавая его правоту.

Но если людей Сталин умел строить и заставлять делать то, что нужно, то промышленность. У-у-у, это было что-то с чем-то. Нет, она существовала, и даже оказалась чрезвычайно мощной, но и примитивной одновременно. Станочный парк, устаревший и эксплуатируемый на износ, довольно низкий уровень подготовки кадров... А ведь это еще то, что лежало на поверхности. И Колесников в очередной раз почувствовал гордость за свой народ, который в столь тяжелых стартовых условиях сумел победить и создать сверхдержаву. Неудивительно, что русская техника зачастую поражала других примитивными и, порой, устаревшими решениями, однако притом была до предела технологична и, по сравнению с импортными аналогами, дешева. Конструкторы просто выжимали все, что могли, из имеющихся у них невеликих ресурсов.

Однако же требовалось срочно поднимать уровень производства, и в течение нескольких месяцев германская промышленность оказалась загружена до предела заказами на высокотехнологичную продукцию, а огромная масса рабочих из СССР проходила переподготовку на немецких предприятиях. Кстати, здесь польза оказалась обоюдной – русские тоже были не из деревень набраны, принесли с собой определенный опыт, который кое-кто из немцев не

стеснялся перенимать. Ну и пусть их, заодно, может, избавятся от неприязни, которую ушедшее правительство насаждало с самоубийственным упорством.

Кстати, СССР не остался в долгу, и поставки как продовольствия, так и стратегических материалов шли в куда большем объеме, чем в прошлую историю, так что получалось баш на баш. А главное – нефть! Впервые можно было не экономить на этой «крови современной экономики», запросы Германии СССР своими поставками удовлетворял с избытком.

Ну и в военно-техническом сотрудничестве преуспели – лицензионные немецкие моторы пришлось по вкусу русским конструкторам, вынужденным ранее до миллиметра «вылизывать» аэродинамику своих самолетов. Точно так же немцам пришлось по вкусу русские танки. Правда, слепо копировать их они не стали, предпочитая создавать что-то свое, но тут уж Колесников не вмешивался. Он вообще старался не лезть в дела Роммеля и Геринга, а те соответственно не лезли в его.

Главное же, наконец-то пошло нормальными темпами строительство русских линкоров. Четыре гиганта типа «Советский Союз», заложенные на верфях одноименного государства, грозили стать одними из лучших в своем классе, но из-за нехватки ресурсов и значительной утраты культуры производства сроки их вступления в строй выглядели крайне туманно. То же относилось и к двум линейным крейсерам типа «Кронштадт». Достаточно было посмотреть процент брака, к примеру, броневых плит, чтобы схватиться за голову. Подвязка мощнейшей германской промышленности, после захвата Великобритании достигшей и вовсе заоблачных высот, оказалась как раз к месту. Линкоры закончили в кратчайшие сроки, да и сами немцы получили как полезный опыт, так и заказы, а значит, деньги. В общем, результаты оказались хороши, но и трудиться пришлось в поте лица.

Ба-бах!

– Донерветтер! – выругался Колесников. Очередной снаряд упал так близко, что фонтан воды, поднятый взрывом, обрушился на палубу «Шарнхорста». Перепало и адмиралу. Не то чтобы очень много, но холодный душ лично ему не понравился.

– Герр адмирал, – из рубки выскочил лейтенант, совсем молодой парнишка из тех, что «принеси-подай». Звезд с неба он не хватал, зато был исполнительен, точен и достаточно храбр. В принципе, его за эти качества и держали. – Американцы меняют курс.

– Это ожидаемо, – пожал плечами Колесников. – Держать ход, идти прежним курсом. Передать на «Гнейзенау»: построение шесть.

– Но ведь уйдут, – на сей раз из рубки высунулся командир «Шарнхорста».

– Может, уйдут, а может, и нет. Вот и посмотрим сейчас, что в штанах у этих, с полосатым матрасом на мачте.

Немудреная шутка прилась к месту, по губам дружно высунувшихся из рубки офицеров пробежали короткие смешки – и тут же смолкли. А на горизонте, в восьми милях от них, вновь пробежала цепочка вспышек – линейный крейсер «Аляска» наконец-то прекратил развлекаться огнем из единственной кормовой башни и дал залп всем бортом...

Меньше всех хлопот оказалось с японцами. Узкоглазые давно хотели повоевать, и флот построили очень приличный. В первую очередь, конечно, им хотелось пощипать СССР, однако вначале их пыл охладили несколько поражений в конфликтах с быстро усиливающейся державой, затем пакт Молотова-Риббентропа, ну а после случившегося в Германии переворота самураям недвусмысленно дали понять, что, если они не поумерят амбиций, то им будет мучительно больно об этом вспоминать.

Японцы смирились, хотя обиду наверняка затаили. Пусть их, рано или поздно все равно придется решать, чье солнце восходит выше, и Колесников ни на минуту не сомневался, что

этот миг не за горами. Однако пока что имелся общий противник, и амбиции стоило немного придержать, это понимали все, так что внешне отношения держав выглядели безоблачно.

Ба-бах! Уи-у-у! Ба-бах!

На сей раз американцы промахнулись совсем немного. Двенадцатидюймовый снаряд лег с небольшим перелетом, и, если бы «Гнейзенау» уже не начал перестроение, то имелись шансы, что плюха, предназначенная флагману, вполне могла достаться ему. Однако линейный крейсер уже забрал вправо и сейчас быстро догонял «Шарнхорст», составляя с ним строй фронта. Одиннадцатидюймовые орудия корабля медленно шевелились, «ведя» цель. А стрелять артиллеристы одного из самых воюющих кораблей немецкого флота умели...

Но союзники и вассалы – это еще далеко не все. Приходилось еще и разгребаться с проблемами в самой Германии. Сейчас-то все поутихло уже, очень помогла тщательно культивируемая среди немцев привычка к порядку, но вначале было тяжело. Ни Геринг, ни, тем более, Роммель с Лютьенсом до уровня фюрера вся Германия не дотягивали. Как ни крути, но покойный Гитлер личностью был неординарной, и в глазах народа те, кто пришел на его место... ну, выскочками они не выглядели. Герои войн и все такое. Однако все равно труба пониже, дым пожиже, и народ, в общем-то, логично решил, что имеет право слегка расслабиться. А расслабляться немцы умели хоть и без такого размаха, как русские, но тоже ничего себе. Недели полторы все висело на волоске. Хорошо еще, генералитет слишком поздно сообразил, что к чему, а не то пришлось бы совсем тяжело. А когда генералы, среди которых хватало и почитателей Гитлера, и убежденных нацистов, и просто людей, считающих, что на трон залезли молодые выскочки, начали действовать, было уже поздно. Начала массовые чистки контрразведка, залез в новое кресло и сразу же плотно в нем утвердился «Папаша» Мюллер, так что с дюжину заговоров в течение полугода раскрыли. Да и мудрено было не раскрыть – генералы, как оказалось, нормально устраивать перевороты просто не умели. Слишком много слов – и мало дела. Плюс не учли, что у Лютьенса с Роммелем имеется внушительный козырь. Войска, не только отлично подготовленные, но и лично преданные своим командирам. В общем, справились, благо против морской пехоты обычные зольдатен не плясали.

Обошлись тогда без масштабных репрессий, просто отправив в отставку наиболее одиозных деятелей и малость пригрозив остальным, что еще раз – и будут вешать. Те прониклись и обещали больше не баловаться – сообразили, видать, что им и в самом деле могут сделать бо-бо. Тем более, самым невменяемым, в основном из ведомства безвременно почившего Гимmlера, моментально оформили несчастные случаи. До остальных живо дошло, что имеется неплохой шанс насмерть порезать палец или застрелиться из трех пистолетов сразу. Силу, а главное, решимость ее применять уважают все, и с тех пор наступила тишь да гладь, хотя, конечно, находились те, кто ворчал тихонечко. Мюллер доклады об этом клал на стол Герингу и Лютьенсу (Роммель от происходящего демонстративно отстранился) регулярно. Надзор за ворчунами, конечно, был, но и только – пускай выпускают пар старички. Молодежь же, грезившая подвигами и карьерой, новоявленных лидеров с их наполеоновскими планами воспринимала куда более лояльно, что радовало.

Вдобавок, будто без него хлопот мало, опять всплыл пресловутый «еврейский вопрос». И вот тут, въехав в тему, Колесников оказался в шоке. Не масштабами – будучи человеком неглупым, а главное, хорошо знакомым с математикой, он не без основания предполагал, что вошедшее в официальную историю количество подвергшихся репрессиям лиц семитской наружности завышено раз этак в несколько. По двум причинам – репрессировать такое количество трудоспособного населения глупо, а Гитлер дураком не был, а главное, потому, что сомневался в наличии такого количества евреев как в самой Германии, так и на территории оккупированных стран. Ну и, уже находясь здесь, в теле Лютьенса, он столкнулся с евреями-солдатами, евреями-офицерами и даже евреями-генералами и адмиралами. Это обстоятельство заставляло его

весьма скептически относиться к так называемым «знаниям общего порядка», намертво засевшим в его голове, но все же гонения на евреев имелись. Пришлось разбираться.

Реальность превзошла ожидания. Послевоенные цифры оказались завышены настолько, что поневоле вспоминалась старая истина: чем больше ложь, тем скорее в нее поверят, но дальше оказалось еще интереснее. Во-первых, Гитлер еврейские погромы не инициировал. Он просто сказал «можно» раньше, чем евреев начали бы бить и без его позволения...

Ба-бах!

Опять накрытие. Нет, они там что, издеваются? И в тот же миг пророкотали орудия «Гнейзенау». Корабль начинал пристрелку. Колесников поморщился – рановато. Впрочем, пусть их. Это неплохо хотя бы с точки зрения психологии. Когда в тебя стреляют, а ты не отвечаешь, это напрягает простых, не обремененных лишней информацией матросов. Да и просто нервы попортить янки стоило, а то в положении необстреливаемого корабля находиться очень удобно. Стреляй себе в полигонных условиях. А ведь так могут и попасть.

Так вот, фокус оказался в том, что евреев в Германии не любили из-за революции. Причем не любили в основном простые немцы. Почему? Так ведь тут надо предысторию смотреть. Сидит в окопах где-нибудь во Франции солдат и знает лишь, что война хоть и затянулась, но они находятся на территории противника, а в фатерлянде те же французы могут оказаться только в качестве военнопленных. То есть до победы далеко, но поражением еще и не пахнет. И тут ему объявляют: все, мы проиграли. Что он должен подумать, охреневшими глазами глядя на своего командира, тоже от таких известий пребывающего в прострации?

Генералу проще. Он с высоты своего поста видит и понимает больше, для него происходящее – объективная реальность, а вот солдат, пребывая в глубоком трансе от происшедшего, вернувшийся домой, начинает осматриваться и замечает, что на улицах толпа народу с флагами и вообще революция. Два и два сложить просто, и вывод оказывается элементарный. Мы проиграли из-за того, что предатели устроили переворот! А в руководстве ими – одни евреи. Стало быть, евреи, обманувшие честных немцев, и виноваты. И неудивительно, что разгром «спартаковцев» встретили с энтузиазмом. Вот только дело на том не закончилось.

В стране дичайший кризис. Людям не на что кормить своих детей. А евреи живут хорошо! Тут, конечно, имелись объективные причины, вроде хорошо поставленной взаимовыручки в еврейских общинах, но попробуйте объяснить это простому человеку. Он видит лишь, что его дети голодные, а тут кто-то жирует. В общем, ненависть к евреям достигла предела и, когда их разрешили – не приказали, а всего лишь разрешили – бить, немцы начали это делать с завидным энтузиазмом.

А были и другие причины. Когда Колесников узнал об одной из них, у него натурально отпала челюсть. В значительной степени плохое отношение к евреям провоцировали... сами евреи. Не те, которые сидели в концлагерях, разумеется.

Просто было немало тех, кто сидел высоко и ворочал колоссальными деньгами. И среди них попадались такие, кто мечтал о еврейском государстве в Палестине. Только вот кто его строить-то будет? Европейские евреи живут хорошо и ехать за тридевять земель не хотят. Выводы? Надо, чтобы им стало плохо. Человека, у которого ничего нет, опасющегося за свою жизнь, легче сорвать с места. И Гитлер имел с представителями денежных тузов серьезный разговор, после чего за немалые преференции для Германии и себя лично начал обеспечивать именно наличие тех самых голых и босых, что пойдут строить Израиль. Жертвами среди исполнителей люди, стремящиеся к великой цели, традиционно решили пренебречь.

Откуда Колесников узнал об этом? А к нему тоже пришли с предложением. Пожалуй, впервые в жизни он тогда не только с чувством глубокого удовлетворения санкционировал применение любых средств при проведении допроса, но и отправил после этого любителей

нестандартных предложений в концлагерь, на место тех, кого сейчас выпускали. Чтоб, значит, на собственной шкуре прочувствовали, что натворили. Увы, это были всего лишь посредники, кончик длинной цепочки, и отследить ее полностью не удалось. Мюллер работал над этим в поте лица, но удалось установить лишь, что ведет она за океан.

Откровенно говоря, в такие игры можно играть и вдвоем. Именно поэтому Колесников провел встречу с наиболее авторитетными лидерами еврейских общин и раввинами, популярно объяснив им, что, во-первых, все претензии к заокеанским сородичам, а во-вторых, что из лагерей-то их, конечно, выпустили, но на большее они рассчитывать сейчас не могут. Ибо – нечего баловать, а то живо на шею сядут. В общем, ситуация оказалась до жути запутанной. Адмирал пытался ее решать, но получалось с трудом.

А тут еще коммунисты подливали масла в огонь. Их вместе с евреями массово выпустили из концлагерей и восстановили в правах. Должны быть благодарны – а вместо этого они тут же начали воду мутить и права качать. Ну да, как и положено любой революционной партии. Тех, кто потерял на фоне резких жизненных перемен связь с реальностью, всегда тянет чего-нибудь замутить. Немного помог Сталин, рывкнувший из Москвы «Цыц!», но нашлись и те, кому русский вождь не указ. И что с ними делать, спрашивается?

На фоне всего этого легкие нестыковки с Венгрией, Румынией и прочими второсортными союзниками казались мелочью, не стоящей упоминания. Казались – но вопросы решать все равно следовало, и не всегда достаточно было просто прикрикнуть. Так что пока Геринг почи-вал на лаврах, сибаритствовал и не интересовался ничем, кроме внутривосточных игр и своей любимой авиации, а Роммель, активно занимаясь повышением боеспособности армии и чисткой ее от нежелательных элементов, просто не успевал следить за чем-либо еще, Лютьенс отдувался за всех. Оттого даже, что Колесников единственный знал, чем может обернуться промедление, остальные же не понимали, куда он торопится. А ему просто не хотелось жить в мире доллара и атомной бомбы, а для этого требовалось уничтожить Америку раньше, чем она подведет мир к краю пропасти и начнет в нее с интересом заглядывать. Иной раз адмирал даже сам не мог понять, откуда в нем столько сил, но он совершил-таки чудо. И, в конце концов, в море вышел объединенный флот, взявший курс на побережье Северной Америки. А самый знаменитый флотоводец мира оказался во главе этой армады разношерстных кораблей, и работы стало еще больше. Хорошо еще, она была куда более привычной, и не приходилось разрываться на куски, пытаясь успеть везде. Конкретное дело – а с остальным пускай разбираются подчиненные, благо вроде бы за это время подобрал команду в меру инициативных исполнителей.

Ба-бах! Ба-бах! Ба-бах!

Вновь фонтаны воды совсем рядом, холодные брызги знакомо хлещут по лицу. Накры-тый все больше – дистанция уже сократилась до шести миль. Скоро количество неизбежно перейдет в качество, так что медлить не следует. Носовая башня «Шарнхорста» чуть поверну-лась, удерживая цель, и начала пристрелку. Шестнадцатидюймовые орудия выплеснули фон-таны огня и дыма, а Колесников, прищурившись, даже сумел рассмотреть на миг черные точки снарядов. Ну, понеслась душа в рай! Тяжелая броневая плита двери в боевую рубку смачно лязгнула за его спиной, отрезая командующего от внешнего мира.

Американцы, как оказалось, не были трусами. «Аляска», новейший корабль американ-ского флота, долго пытался оторваться, и это выглядело со всех сторон оправданным дей-ствием. Драться одному против двоих – это совсем не то, что необходимо для долгой и здоровой жизни. И шансы уйти американцы имели вполне реальные. Линейный крейсер, стро-ительство которого, под впечатлением от успешных действий как раз той парочки, что сейчас висела у него на хвосте, было максимально ускорено, мог выдать на какое-то время не менее

тридцати трех узлов. Для изрядно потрепанных жизнью немецких кораблей, даже несмотря на все модернизации, результат недостижимый.

Колесников, получив от разведчиков информацию о выходе «Аляски» в океан, изначально знал, что погоней ничего не добьешься. Но если чуточку подумать... Он и подумал, и в результате рейдер, который должен был наносить удары по растянутым коммуникациям флота Старого Света, неожиданно для себя оказался в роли жертвы. Правда, жертвы кусачей, да и шанс уйти у американцев еще был. Вопрос в том, захотят ли они сейчас уйти.

В данный момент ситуация уперлась не в калибр орудий, а в противостояние разведок. Сумевшие частично (насколько это вообще возможно для столь специфических контор) объединить силы германская и неожиданно мощная советская разведывательные сети давали информации много и всякой. Плюс с Японией понемногу обменивались. Тем более, японцы сменили систему кодировок – Колесников вспомнил читанное когда-то, что в Британии и США эти коды расшифровывались на раз-два. Новые шифры оказались американцам пока что не по зубам, что позволило резко увеличить эффективность японского флота. И в результате всего этого Лютьенс сейчас имел достаточно полную картину действий американцев, что позволяло ему удерживать инициативу.

У США дела с разведкой обстояли куда хуже. Они на этом поприще и так-то не блистали, а британская разведсеть, на которую янки попытались наложить лапу, оказалась немцами после захвата островов почти полностью расшифрована и частично уничтожена либо поставлена под свой контроль. В результате появлялись такие ситуации, как сегодня.

Тут ведь что? «Аляска» уходила не просто так, в никуда. Линейный крейсер стремился в строго определенную точку, где рассчитывал встретиться с небольшой эскадрой из эскортного авианосца, трех крейсеров (из них два тяжелых) и пяти эсминцев. По отдельности они были слабее немцев, но объединившись, особенно с учетом авианосца, оказывались, наоборот, куда сильнее. Редкий шанс разобраться с попортившими американцам кровь линейными крейсерами, и командир «Аляски» прекрасно это понимал. Вот и держал ход, который позволял немцам упорно висеть на хвосте, хотя и не догонять. Приманку изображал, иначе давно бы оторвался, пускай медленно, но верно.

План выглядел красиво. Только вот не учитывал, что Лютьенсу известно и где планируется встреча, и с кем. «Шарнхорст» и «Гнейзенау» изображали загонщиков, а тем временем на позиции выходили подводные лодки. Всего две, остальные оказались слишком далеко от места событий, но и то хлеб. Мимо одной американская эскадра проскочила, но вторая успела выпустить торпеды. После этого ее загнали под воду эсминцы и долго бомбили, в результате чего до базы субмарина дотянула чудом. Но дело свое она сделала.

Эскортный авианосец «Лонг Айленд» получил торпеду в борт, и это попадание, единственный результат атаки, оказалось роковым. Небольшой, всего в четырнадцать тысяч тонн водоизмещением, корабль, переоборудованный из торгового судна, имел куда более хлипкую конструкцию, чем боевые корабли специальной постройки. Разумеется, его переоборудовали. Да, на нем оказалась хорошо обученная, умеющая бороться с затоплениями, команда. Но авианосец накренился, разом потеряв возможность выпускать самолеты, а его ход с и без того невеликих шестнадцати с половиной узлов снизился до несерьезных десяти.

Повезло еще, что не загорелся авиационный бензин, которого в тот момент оставалось на борту почти двести тонн. Хотя насчет «повезло» можно и поспорить. Загорись корабль – и в сложившейся ситуации за него не стали бы бороться. Сейчас же, когда он вроде бы не собирался ни тонуть, ни переворачиваться, оставался неплохой шанс дотащить до базы. При условии, конечно, что немцы не обратят на него внимания. А учитывая, что после неудач начала войны любой, даже эскортный авианосец представлял немалую ценность, спасти его надо было хотя бы попытаться. Вот и пришлось американцам перекраивать план на ходу, и «Аляска» начала отворачивать, чтобы увести за собой охотников. Однако, убедившись, что отворачивать немец-

кие корабли не намерены, американский линейный крейсер начал разворачиваться. Одновременно, если верить радару (а верить ему, безусловно, следовало), остальные артиллерийские корабли двинулись навстречу. Похоже, американцы решили рискнуть и устроить классический артиллерийский бой. Ну-ну, посмотрим, чего вы стоите.

Но противник попался серьезный. Тяжелые крейсера были неплохо для своего класса защищены и вооружены – по девять восьмидюймовок на корабль – и имели преимущество в ходе. Шестидюймовые дуры легкого крейсера сбрасывать со счетов тоже было бы опрометчиво. Эсминцы... Они грозны своим торпедным вооружением. Ну и сама «Аляска». На сладкое, так сказать. Девять отличных двенадцатидюймовок и бронирование, вполне сопоставимое с немецким.

«Шарнхорст» и «Гнейзенау» на двоих имели девять одиннадцатидюймовых и шесть четырехсотшестимиллиметровых орудий плюс средний калибр. При таком соотношении все сводилось к тому, раздавят ли они американцев своими крупнокалиберными «чемоданами», или же те градом своих более легких снарядов избыют их до потери боеспособности и прикончат торпедами. В любом случае, немецкие корабли продолжали идти вперед – на малой дистанции американские снаряды, летящие по настильной траектории, будут бить в хорошо забронированные борта, что неприятно, но перетерпеть можно. А вот тем же эсминцам хватит одной хорошей плюхи, чтобы отправиться на свидание с Нептуном, да и крейсера тот же «Шарнхорст» способен порвать моментально.

Первыми смогли дотянуться до противника немцы, что, в общем-то, было неудивительно. Пускай они и не гнались за скорострельностью, как американцы, зато на их стороне был куда больший опыт, причем боевой, полученный в схватках с более серьезными противниками. Так что закономерным результатом оказался всаженный в борт «Аляски» с пяти миль одиннадцатидюймовый снаряд. Обладая традиционно высоким проникающим действием, он как бумагу проткнул девятидюймовый броневой пояс американца и разорвался внутри, выбросив из пробоины веселый красно-белый фонтан огня. Вряд ли удалось зацепить что-то важное: ни на маневрировании, ни на скорости, ни на огневой мощи корабля это не сказалось, но все равно вряд ли американским морякам было приятно такое приветствие.

Зафиксировав попадание, немцы тут же открыли беглый огонь, продолжая идти на сближение. Оставалось совсем немного времени до того, как в дело вмешаются остальные американские корабли, и момент, когда бой еще идет в формате двое против одного, стремились использовать по максимуму. Результатом стали три попадания, два одиннадцатидюймовыми снарядами с «Гнейзенау» и одно с «Шарнхорста», поэффектнее. Снаряд, проломив броневой пояс «Аляски», буквально проткнул корабль насквозь, по диагонали, вдребезги разнося переборки, и взорвался, чуть-чуть не дойдя до противоположного борта.

Взрыв оказался такой мощи, что борт вспучило пузырем, после чего броневые плиты попросту вырвало. Но главное, он зацепил башню с двумя пятидюймовыми орудиями, снизу, где защиты, по сути, и предусмотрено-то не было. Моментально сдетонировали уже поданные в башню снаряды, после чего огонь по шахте стремительно распространился вниз. Попытка затопить погреба оказалась частично успешной, в разы ослабив силу взрыва, но все равно башню подбросило и сорвало с катков. Изо всех щелей ударили струи пламени, и уже спустя пару минут корабль горел. Хорошо так горел, и густой столб черного, подсвеченного снизу дыма делал его даже более удобной мишенью, чем раньше, хотя и до того немецкие артиллеристы на видимость не жаловались. От сотрясения вышел из строя один из артиллерийских радаров. Словом, подтвердились опасения тех, кто считал, что против главного калибра современных кораблей «Аляска» окажется беззащитной. Так, собственно, и произошло.

На обидную и болезненную плюху американцы, правда, ответили. Двенадцатидюймовый снаряд угодил в надстройку «Шарнхорста». Экспериментальный сверхтяжелый снаряд, некоторое количество которых имелось в боекомплекте линейного крейсера, продемонстри-

ровал свою эффективность, легко разнесся все, до чего дотянулся. Броня «Шарнхорста» была хороша, однако новейшую американскую разработку все равно не держала. Попади такой снаряд в палубу, он натворил бы дел, но ставка на ближний бой в очередной раз себя оправдала и, хотя разрушения выглядели серьезными, а с возникшим пожаром не могли справиться более четверти часа, заметного ущерба боевым возможностям корабль не понес. Еще один из снарядов, на сей раз фугасный, взорвался рядом с бортом немецкого флагмана, для разнообразия окатив палубу не только водой, но и душем из осколков. Четверо матросов было ранено. Неприятно – но терпимо, можно сказать, легко отделались.

Американские крейсера появились, как это всегда бывает, чертовски не вовремя, и сразу же открыли огонь. Правда, дистанция, с которой они работали, нормальная для линейных кораблей, оказалась для их артиллерии великовата – и рассеивание чрезмерное, и бронепробиваемость снаряда падает. Некоторое время их обстрел терпели, не отвлекаясь от боя с «Аляской», и даже всадив в нее еще один шестнадцатидюймовый снаряд, но на двенадцатой минуте с момента, как головной американский крейсер, «Тускалуза», открыл огонь, артиллеристам какого-то из крейсеров все же удалось зацепить «Гнейзенау». Попадание оказалось, скорее, заслугой статистики, чем мастерства – все же, развив максимальную скорострельность, три корабля выпустили массу восьми- и шестидюймовых снарядов. Неудивительно, что один из них достал-таки до цели.

Бронебойный снаряд ударил в палубу линейного крейсера под довольно острым углом.

Проломить ее восьмидюймовая дура так и не смогла, срикошетировала и, вращаясь подобно городошной бите, улетела в море. Однако это оказалось звоночком, четко говорившим: терпеть подобное хамство чревато для здоровья. И рисунок боя тут же поменялся.

Теперь «Гнейзенау» продолжал дуэль с «Аляской» в гордом одиночестве. По боевым характеристикам оба корабля были примерно равны, у американца чуть мощнее орудия, у немца – броня, что выглядело не особенно принципиально, поскольку оба пробивали защиту противника достаточно уверенно. Плюс «Аляске» уже наделали дыр, так что Колесников счел, что для нее хватит и менее мощного из его кораблей. «Шарнхорст» же перенес огонь на крейсера. Нелогичное на первый взгляд решение, но адмирал руководствовался опытом предыдущих боев. Затягивание боя даже с легкими крейсерами, не говоря уже о тяжелых, чревато серьезными повреждениями, тогда как сами они, при достаточно квалифицированных артиллеристах, могут изрядно попортить крови. Одиннадцатидюймовые орудия могут наделать в тяжелом крейсере дыр, но сразу нокаутировать его не смогут, тогда как одного-двух снарядов с «Шарнхорста» при некоторой удаче вполне может хватить, чтобы отправить на дно любой из американских крейсеров.

Дистанция между тем быстро сокращалась, и попадания начали следовать одно за другим. Американцы оказались куда грамотнее, чем можно было ожидать по опыту прошлых боев, и, живо сообразив, что бронебойные снаряды, тем более идущие по настильной траектории, вряд ли смогут причинить заметный ущерб немецким кораблям, перешли на стрельбу фугасами. Это немедленно дало эффект – неспособные проломить броню, эти снаряды разносили все на палубах, превращали в руины надстройки, калечили и убивали людей. Колесников скрипнул зубами – терять своих он не любил, однако и деваться было некуда. Однако «Шарнхорст» тоже не остался в долгу, и «Тускалуза» на себе ощутил всю мощь разгневанных немцев.

Первый и второй снаряды, которые получил американский крейсер, он перенес относительно безболезненно. Как ни странно, раньше других удалось добиться успеха расчету одного из пятнадцатисантиметровых орудий, хотя на такой дистанции они, теоретически, и уступали главному калибру в точности. Пробив броневой пояс толщиной всего-то в восемьдесят два миллиметра, снаряд лопнул внутри корпуса крейсера, не задев ничего жизненно важного и даже не вызвав пожара. Почти сразу в «Тускалузу» угодила снаряд главного калибра. Мощный взрыв в районе кормовой башни смел за борт одну катапульту и искорежил другую, лишив

корабль возможности запускать самолеты, что, впрочем, и без того сейчас не планировалось. Однако третье и четвертое попадания моментально поставили точку в очном споре флагманов, объяснив американцам, насколько чревато связываться с противником, столь заметно превосходящим тебя в классе.

Вначале в носовой части «Тускалузы» появилась аккуратная круглая дырка. Полсекунды спустя из нее вырвался поток огня в тридцать с лишним метров длиной, а когда он опал, оказалось, что участка обшивки от ватерлинии до палубы просто нет. В ширину пробоина достигала шести метров, и поток воды, хлынувший в нее, ревел не хуже Ниагарского водопада. В иных условиях это был бы конец, но американцы оказались на удивление хорошими моряками. Водонепроницаемые переборки были задраены мгновенно, и океан уперся в сталь. И как раз в этот момент крейсер получил четвертое попадание, разом поставившее жирный крест даже на теоретическую возможность дальнейшего участия в бою.

Снаряд ударил в крышу носовой башни. Ударил под острым углом и отскочил, распоров ее по всей длине, как ножом. Грохот был такой силы, что практически все, находившиеся в ней, получили жесточайшую контузию, а отскочивший снаряд врезался под основание второй башни, проник внутрь и разорвался уже там. Как пламя не проникло в погреба, знают лишь морские боги, но и самого взрыва хватило. Башня, неплохо держащая внешние удары, на внутренние взрывы просто не рассчитывалась. В результате крышу приподняло и выбросило далеко в море, а сама она раскрылась, как экзотический цветок. Моментально потерявший боеспособность корабль, теряя ход, ушел вправо, за строй своих товарищей, и следующий за ним однотипный «Миннеаполис» тут же почувствовал, что такое быть флагманом.

До этого момента крейсер находился в относительно комфортных условиях, лишь единжды получив пятнадцатисантиметровым снарядом, и то случайным перелетом. Однако сейчас море вокруг него вскипело от разрывов, а затем и попадания начались. Получив два снаряда, вдребезги разворотившие надстройки, «Миннеаполис» отвернул, словив напоследок еще одну плюху, на сей раз в корму. Хода он, правда, не потерял, и это позволило ему и дисциплинированно держащемуся в кильватере «Хьюстону», не получившему в бою повреждений, благополучно свалить. Преследовать их немцы не стали – не до подранков. В атаку уже выходили эсминцы, под шумок подкравшиеся совсем близко. Впрочем, «Шарнхорст» был слишком хорошо вооружен, а потери в артиллерии от огня противника пока что выглядели неубедительно. Обнаружив, что прорываться сквозь всплески разрывов – занятие неблагодарное, эсминцы выпустили торпеды с дальней дистанции и благополучно отступили.

Разогнав мелочь, «Шарнхорст» вновь вернулся к диалогу с «Тускалузой», который пытался сейчас задним ходом уйти от места боя. Увы, не с его скромными возможностями – вспарывая воду, будто лемех гигантского плуга, линейный крейсер, дав попутно три безрезультатных залпа по «Аляске», изменил курс и прошел в десятке кабельтовых от своей жертвы. В момент наивысшего сближения «Шарнхорст» дал сокрушительный продольный залп главным калибром, добившись четырех попаданий в носовую оконечность американца. Тот полыхнул и начал быстро садиться носом, в бинокль было хорошо видно, что экипаж приступил к эвакуации. Стало быть, дела на крейсере были уже совсем безнадежными. Ну что же, не стоило убивать ради убийства, тем более, бой еще не закончился.

«Аляска» все еще держалась, и «Гнейзенау» приходилось несладко. В борту его зияли три огромные дыры, корабль сильно дымил, хотя открытого пламени видно не было. Американцам тоже досталось, но ход им сбить не удалось, и сейчас дистанция между кораблями медленно увеличивалась. Однако «Шарнхорст», снова вмешавшийся в дуэль, расставил точки над 1. Еще одного попадания хватило, чтобы скорость американского корабля ощутимо снизилась, после чего остальное было уже делом техники. Бой длился еще час, «Аляска» демонстрировала чудеса живучести, но исход уже был предрешен. После дюжины попаданий с «Шарнхорста» и двух с лишним десятков гостинцев от «Гнейзенау» корабль наконец начал медленно,

словно бы устало ложиться на борт, после чего перевернулся кверху килем. С двух потопленных кораблей удалось спасти чуть более тысячи человек. И лишь одно всерьез омрачало настроение Колесникова – «Лонг Айленд» все же смог уйти, раствориться в быстро сгущающихся сумерках, а охотиться за ним ночью, используя лишь радар и рискуя нарваться на эсминцы... Нет уж, нет уж, пускай красивая, хоть и неполная победа (тем более, никто и не знает, что она неполная), чем торпеда в борт. Не стоил эскортный авианосец такого риска. Уж что-что, а взвешивать шансы и рисковать только осмысленно Колесников умел. Именно это и вознесло его на вершину славы.

Адмиральский салон не был поврежден, но гарью пропах капитально. Американские фугасы вызвали на «Шарнхорсте» несколько довольно серьезных пожаров, которые весь бой стремились слиться в один большой и всеобъемлющий. Их погасили, конечно, однако едкий запах проникал, казалось, всюду. Колесников, впрочем, не жаловался – за время войны с британцами приходилось, было дело, спать и в куда худших условиях. Ничего, если организм хорошенько вымотать, он заснет где угодно.

Однако сейчас сон не шел – возбуждение от прошедшего боя еще не оставило адмирала. Мог бы и привыкнуть уже к своей удачливости. Вон, остальные в своего адмирала верят и идут за ним, не раздумывая. Тем более сейчас, когда перевес однозначно был на их стороне. Но – увы, адреналину в кровь по-прежнему выбрасывается многовато. Зато стариком себя не чувствуешь. Да и, откровенно говоря, здоровье у Лютьенса вообще оказалось на уровне, и на биологические годы нового тела адмирал себя не ощущал.

Успокоившись этой мыслью, Колесников рухнул на кровать и с наслаждением потянулся, хрустя суставами. Что же, еще один штришок к легенде о непобедимом адмирале. Маленький, конечно, но сверкать, если его правильно преподнести, будет красиво. Правильность же Хелен обеспечит – светило немецкой журналистики с недавнего времени демонстрирует хорошее чутье, да и мастерство ее за эти годы явно возросло. Чуть испуганную студенточку, во всяком случае, больше не напоминает.

Воспоминание о Хелен вновь заставило Колесникова улыбнуться. Надо будет ее со Сталиным познакомить... А ведь как переживала она, когда адмирал уходил в этот поход.

Да, война тогда началась внезапно для всех. В том, что она случится, разумеется, никто не сомневался. По обе стороны океана спешно вооружались, довооружались и перевооружались, причем едва ли не впервые в истории Европы основные усилия были брошены на создание военного флота. Впервые потому, что раньше конфликты на континенте практически всегда решались в сухопутных войнах. Британия не в счет, флот ее надежно защищал острова, но редко оказывался по-настоящему козырным тузом в колоде, поскольку ударами с моря можно попортить крови противнику, однако победить его, если тот решит драться до конца, вряд ли позволит. Дарданелльская операция – наглядный и весьма доходчивый пример. Но сейчас было совсем другое дело. Чтобы справиться с американцами, требовалось кровь из носу взять под контроль океан. И потому со стапелей бодро скатывались в море лоснящиеся, словно лакированные, корпуса подводных лодок и боевых кораблей.

Вообще, для американцев то, что Старый Свет объединился против них, стало шоком. Особенно после того, как они прохлопали ушами «противоестественный», если верить их прессе, союз Германии и СССР. С их точки зрения, такого просто не могло быть. Ну, победили немцы англичан. Изначально одна из реальных возможностей. Неприятно, однако далеко не шок. Ну, пришла вместо демократически избранного лидера военная хунта. Банально. Так происходит во всей Латинской Америке и половине Европы. Но вот то, что военные, вместо того, чтобы напасть на русских, с такой легкостью договорятся... И договорятся не на уровне пакта о ненападении, а на полноценное сотрудничество, с обменом военными и научными технологиями и взаимными заказами. В общем, у всех отвисли челюсти.

Правда, в известной степени, такая неожиданность оказалась заслугой не столько Колесникова-Лютенса, сколько американской разведки, оказавшейся слабой и полулюбительской. ЦРУ здесь еще не было создано, и имелася куча небольших узкоспециализированных конторок, борющихся между собой и практически не обменивающихся информацией. В результате одни сведения многократно дублировались, а другие оставались незамеченными до того момента, когда становилось уже совсем поздно. Это вам не британцы с их традициями и отлаженным механизмом сбора и обработки данных. И в противодействии с достаточно эффективной советской контрразведкой американцы пока что явно пасовали.

Хотя, надо признать, когда адмирал получил доступ к кое-какой закрытой информации, в шоке оказался уже он сам. Со времен Хрущева в головы вдалбливалось, что Сталин – тиран, лично замучивший стопятьдесят миллионов человек. И вдруг оказалось, что не только масштабы репрессий многократно преувеличены, как раз к этому Колесников был готов. А вот то, что шпионов из разных частей света в СССР и впрямь было немерено, для него оказалось полной неожиданностью. Ну, что их просто не может не быть, он понимал, но вот масштабы...

Кого там только не было. И профессиональные агенты, и идейные борцы с советской властью (ну, этих хотя бы можно понять), и троцкисты, которых отлучили от кормушки, и... В общем, проще перечислить, кого не было. А учитывая, что советское законодательство карало за такое относительно мягко, исправить ситуацию было крайне сложно.

Хорошо еще, что самую мощную – британскую – разведсеть удалось разгромить. Для этого оказалось достаточно поделиться захваченными в Великобритании архивами, а там уж НКВД сработало вполне эффективно. После этого, оказавшись без помощи островных коллег, американцы сдулись, и сроки начала войны для них оказались тайной за семью печатями. Они считали, что имеют в запасе еще минимум полгода. Колесников, прекрасно осведомленный об этом, внутренне посмеиваясь, рассчитывал подготовиться месяца за два-три. Вот только в реальности война началась неожиданно для всех.

А все узкоглазые. В очередной раз Колесников убедился, что доверять островитянам нельзя, что западным, что восточным – без разницы. Примерно тоже высказал Роммель, правда, в отличие от привыкшего относиться ко всему с изрядной толикой юмора адмирала, куда более эмоционально. М-дя... А Лютенс-то считал, что лучше всех ругаться умеют моряки. Оказывается, в окопах иной раз тоже рождаются перлы, достойные запечатления в веках. И даже обычно довольный жизнью Геринг высказался о японцах исключительно непечатно. Что уж там говорили по этому поводу Сталин, Муссолини и прочие, осталось тайной – сами не распространялись, а Лютенс не интересовался. И без того хлопот полон рот.

В общем, японцы решили, видимо, что никто им не указ, и принимать решения они могут, не советуясь со «старшими братьями». Это они зря, конечно, подобную дурь из голов обычно выбивают рукояткой пистолета, но пока что союзничков следовало вытаскивать. Не из рыцарских побуждений, а потому, что без них практически нереально было обеспечить всестороннюю блокаду Северной Америки. Хотя и так-то блокада выглядела смешно – аннексировав Канаду, США имели сейчас множество портов, и перекрыть все транспортные маршруты было нереально. Да и, откровенно говоря, ресурсы и производственные мощности США позволяли им жить и без внешней подпитки, легко перейдя на полное самообеспечение. С другой стороны, размеры побережья сейчас давали очень большое поле для маневра, защитить его от десанта выглядело задачей практически нереальной. Но, опять же, при условии, что удастся уничтожить или хотя бы нейтрализовать американский флот, а для этого требовалось действовать всем вместе.

Тем не менее, начали японцы неплохо, и адмирал Ямомото практически в точности повторил свой маневр из прошлой истории, накрыв американский флот в Пёрл-Харборе. Удар его оказался сколь страшен, столь и успешен. Еще бы, сейчас это была не полулюбительская, основанная лишь на не апробированных еще новинках военной тактики, авантюра. В этот раз

Ямомото консультировал сам Лютьенс, непререкаемый ныне авторитет в области военно-морских операций. Даже японцы, прячущие за вежливыми улыбками презрение и ненависть ко всем остальным народам, вынуждены были это признавать и потому ко мнению адмирала прислушались со всей серьезностью.

В частности, Колесников хорошо помнил об ошибках, допущенных японцами в прошлой истории. Тут и недобивание поврежденных кораблей, и несколько неудачный выбор времени атаки, когда на главной базе США в Тихом океане не оказалось ни одного авианосца, и не предпринятая попытка высадки десанта. Но главное – сам ход операции!

В прошлый раз едва ли не основной ошибкой оказалась сама идея атаковать американские корабли в гавани. При всей своей кажущейся эффективности и красоте, она имела огромный минус – если операция не комплексная, с высадкой десанта, а точечный укол, то последствия ее в долгосрочной перспективе оказываются сравнительно небольшими, что, в принципе, и произошло. Да, внешне – катастрофа, но при этом почти все корабли, потопленные или поврежденные японцами, американская промышленность оказалась способна в кратчайшие сроки ввести в строй. Глубины-то в гавани всего ничего, поднять севшие на грунт или сдёрнуть приткнувшиеся к берегу линкоры было сравнительно несложно. Разве что пару наиболее поврежденных, вроде разрушенной взрывом боезапаса «Аризоны», трогать не стали – построить новый корабль выходило дешевле, чем восстанавливать эти братские могилы. Но главное, потери в людях оказались минимальны, и сохранились тысячи высококлассных моряков еще с довоенной выучкой. Как результат, свою мощь исполина американский флот вновь обрел очень быстро, и это стало для Страны Восходящего Солнца началом конца.

Сейчас Колесников объяснил расклады Ямомото буквально на пальцах и предложил два выхода из ситуации. Или удар по гавани с высадкой десанта и захватом Гавайских островов, или... Вот второе «или» Ямомото и выбрал. Не потому, что ему не нравился первый вариант. Просто он не мог его обеспечить. Сказывалось традиционное соперничество армии и флота, выливающееся в несогласованность действий и многократно возрастающий риск утечки информации. Так что рассчитывать он мог только на свои корабли и палубную авиацию.

Вариант, который пришлось реализовывать Ямомото, был куда рискованнее и приносил меньшие дивиденды, хотя также строился на недооценке роли морской авиации и плавучих аэродромов. Несмотря на то, что и британцы, и, позднее, Лютьенс успешно, хотя и достаточно ограниченно их применяли, на авианосцы по-прежнему смотрели немного свысока, полагая кораблями вспомогательными. Для того чтобы вести разведку, затормозить пытающегося уйти противника или добить поврежденный корабль. Максимум транспорты топить. Все остальное же полагалось делать, как и сотни лет до того, мощным артиллерийским кораблям. И даже на то, что в Германии на основе конструкций гражданских танкеров спешно строились эскортные авианосцы, подобные тем, что Британия еще недавно заказывала в США, считали блажью, забывая о том, что знаменитый адмирал пока что не ошибался.

В тот злосчастный день американским военным пришлось убедиться в собственной близорукости. На рассвете японские самолеты, поднятые с шести авианосцев, нанесли мощнейший удар по гавани Пёрл-Харбора и наземным аэродромам, уничтожив практически все базирующиеся там самолеты. Правда, удар по кораблям выглядел несколько скромнее, чем в прошлой истории – из семи находившихся в Пёрл-Харборе линкоров японцами было уничтожено только два, «Пенсильвания» и «Мэриленд». «Пенсильвания» отделалась двумя торпедными пробоями и села на грунт, погрузившись в воду по верхнюю палубу, «Мэриленд» же оказался куда в худшем положении.

Авиабомба, для лучшей бронепробиваемости переделанная из крупнокалиберного снаряда, ударила в палубу возле кормовой башни главного калибра. Попади она в саму башню, картинка была бы совсем иной, но относительно слабо бронированная палуба не выдержала удара, бомба проткнула ее, как бумагу. Броня лопнула, и в результате начиненная взрывчат-

кой сталь, прошив линкор почти насквозь, взорвалась у самого днища. Боезапас, хотя и находился совсем рядом, не сдетонировал, но пробоина оказалась диаметром почти пять метров. К счастью, стремительно распространяющаяся вода, затопив машинное отделение, не вызвала взрыва котлов – в работе находился только один, остальные же стояли холодными. Однако взрыв повредил киль старого линкора, а последующее касание грунта довершило дело. Кормовая часть «Мэриленда» надломилась, и теперь восстановить линкор было крайне сложно.

Однако, если потери в линейных кораблях выглядели не самыми опасными, то остальным досталось куда больше. Один тяжелый крейсер, три легких, шестнадцать эсминцев – страшные потери для любого флота. А еще два авианосца, «Лексингтон» и однотипный, только что прибывший «Саратога» получили свою порцию авиабомб. Защита кораблей этого класса у американцев традиционно была не на высоте, и ни полетная, ни двухдьюмовая нижняя палубы не смогли остановить бомбы, сброшенные японцами практически в полигонных условиях.

Внутренние взрывы имели катастрофические последствия. Корабли были загружены под завязку, на каждом, помимо шести с лишним тысяч тонн мазута имелись боезапас и топливо для девяноста самолетов. Высокооктановый бензин, почти пятьсот тысяч литров, что еще надо, чтобы превратить огромные корабли в хорошую жарочную печь? И взлетевшее до небес белое, почти прозрачное пламя оказалось закономерным результатом бомбардировки.

«Саратога» выгорел дотла за считанные минуты и, как ни странно, не затонул. «Лексингтон» взорвался – пламя добралось до погребов. Из экипажей обоих кораблей не уцелел никто находившийся в тот момент на борту. Американский флот в этих водах практически лишился воздушного прикрытия. Разве что «Энтерпрайз», корабль счастливый – этот ушел из Пёрл-Харбора вечером буквально за десять часов до японской атаки и сейчас находился в двухстах милях к северу от места побоища. Вмешаться он уже не мог.

Самое интересное, что с точки зрения классической морской тактики для американцев еще далеко не все было потеряно. Более того, их шансы на победу выглядели достаточно вескими. Пять линейных кораблей, считающихся основной силой флота – это немало, а радар четко видел расположившиеся на пределе дальности японские корабли. Американский самолет-разведчик, добравшись до них, смог не только определить, что это японцы, но и пересчитать их, и даже сфотографировать. Два линейных корабля, «Хией» и «Кири-sama», три авианосца и шесть эсминцев. Не так и много, кстати. В горячке боя никого из американцев не насторожило, что из всех разведчиков до цели дошел один, ни разу не обстрелянный, даже не атакованный истребителями. И не только дошел, но и счастливо унес ноги. А ведь все было просто. Самолету дали выполнить свою миссию, только об этом пока никто не знал, и его экипаж, люди храбрые и самоотверженные, свято верили, что дело в их мастерстве, ну и, конечно, изрядной толике везения.

На самом же деле все оказалось несколько иначе. Помимо этой эскадры, давшей себя вначале обнаружить, а затем и пересчитать, на приличном отдалении и совсем в другой стороне шли еще три авианосца под охраной двух тяжелых и одного легкого крейсеров и трех эсминцев. Эти корабли сразу меняли расклады сил, но американцам про них ничего известно не было. Кроме того, пылая праведным гневом, они даже не задались мыслью, как будут гоняться за японцами на своих раритетных кораблях, хорошо вооруженных и защищенных, но тихоходных. Ну и плюс к тому, японские самолеты продолжали бомбить побережье, превращая в руины город и инфраструктуру базы. И надо было чем-то ответить, хотя бы отогнать противника, чем американцы и занялись.

Линкоры разводили пары и выходили в море около четырех часов. За это время каждый из них получил по несколько бомбовых попаданий, не причинивших серьезного ущерба, из чего сделан был ошибочный вывод о том, что потери в гавани – случайность, обусловленная неподвижностью кораблей и отсутствием нормального зенитного прикрытия. На самом же деле

просто-напросто их сейчас бомбили с высокой горизонтали легкими бомбами, чтобы раззадорить, но не заставить отказаться от контратаки. И американцы клюнули!

Дальше все было предсказуемо. Японские самолеты нанесли массированный удар, когда американские корабли находились уже в десятке миль от берега. Из пяти линкоров прорваться назад смог лишь один, но и он затонул примерно в миле от гавани. В отличие от прошлой истории, на сей раз потери американцев зашкаливали, а флот им надо было не ремонтировать, а строить с нуля. Японцы на какое-то время стали хозяевами океана.

Итак, сражение-то они выиграли, а вот союзников при этом подставили всерьез. Теперь, вместо того, чтобы спокойно закончить подготовку, приходилось выступать с тем, что есть. Было, кстати, немало, но проблема в том, что строительство эскортных авианосцев еще не было завершено, и восемь кораблей, которые должны были нести по два десятка самолетов, остались пока на стапелях, где их, работая в три смены, спешно доводили до ума. Фактически объединенный флот сопровождали только серьезно перестроенный (если говорить правду, корабль отстроили заново, разрезав пополам и вставив секцию корпуса, а также поменяв конструкцию палубы и увеличив число подъемников, что позволило и увеличить число самолетов, и довести скорость их запуска до приемлемого уровня) «Граф Цеппелин» да британские трофеи. Катастрофически мало, поэтому с них в спешном порядке сняли все бомбардировщики, оставив лишь мессершмитты. Ударную мощь авианосцев это резко снижало, зато появлялась надежда, что истребительный «зонтик» сможет защитить свои корабли. А кораблей этих оказалось ой как немало.

Немецкий флот составляли, разумеется, «Бисмарк», на котором держал свой известный уже всему миру флаг Колесников, «Тирпиц», «Шарнхорст» и «Гнейзенау». Ну, это «старички». Помимо них в строю были три корабля типа «Кинг Георг Пятый», захваченные у британцев и достроенные с учетом опыта боев и достижений немецкой и советской инженерных школ. Корабли эти, получившие название «Фон дер Танн», «Гебен» и «Зейдлиц», вместе с четырьмя изначально немецкими кораблями, составляли быстроходную часть флота. Помимо них шли более старые британские трофеи – «Ривендж» и «Ройял Соверен», переименованные соответственно во «Фридрих дер Гроссе» и «Дерфлингер». Ходовые качества у них были почиже, но артиллерия оставалась впечатляюще мощной. Увы, линкоры «Уорспайт» и «Малайя», на момент капитуляции Великобритании находившиеся в Средиземном море, были затоплены командами на глубине, не дающей возможности произвести их подъем. Это, конечно, делало честь британским морякам (Колесников даже отдал специальный приказ, запрещающий применять к тем из них, кто попал в плен, рукоприкладство, а то раздосадованные победители могли их и к стенке от огорчения поставить), но сил немецкому флоту не добавляло.

Вторым по мощи, теоретически, являлся флот СССР, имеющий сейчас четыре новейших линкора – «Советский Союз», «Советская Россия», «Советская Белоруссия» и «Советская Украина» – и два линейных крейсера, «Кронштадт» и «Севастополь». Старые линкоры-дредноуты даже не пытались учитывать, поскольку эти тихоходные, слабо защищенные реликты прошлой войны, вооруженные вдобавок всего лишь двенадцатидюймовыми орудиями и обладающие абсолютно неудовлетворительной мореходностью, представляли достаточно сомнительную боевую ценность. Так что они остались на базах, осуществлять прикрытие своих берегов, а вот шесть новейших кораблей с немногочисленным эскортом (с легкими крейсерами у русских всегда было неважно), состоящим в основном из эсминцев, присоединились к немецкому флоту. Адмирал Кузнецов лично держал флаг на «Советском Союзе», и оставалось только гадать, чего ему стоило добиться у Сталина разрешения на участие в этом походе.

Теоретически этот отряд был силен, практически же... Откровенно говоря, как бы ни хотелось Колесникову считать соотечественников лучшими из лучших, причем во всем, за что берутся, в нереальной эффективности советского флота он сомневался. Причины к тому имелись достаточно весомые.

Во-первых, уже более полувека русский флот побед как-то не демонстрировал. Воевали храбро и вроде бы даже грамотно, но при этом как-то бестолково.

Во-вторых, новые корабли, которые наверняка еще толком не освоены. Все «детские болезни» всплывут наверняка в самое неудачное время, а недоученное придется осваивать в бою. С освоением же и обслуживанием новой техники, что у русских моряков, что у советских военморов, частенько получалось как-то не очень.

В-третьих, и матросы, и офицеры (ой, простите, командиры, но сути это не меняет) почти все необстрелянные. Кое-кто, правда, успел повоевать в Испании, некоторые даже успешно, но таких минимум, да и масштабных сражений там как-то не наблюдалось.

В-четвертых, у русской эскадры не имелось усиления в лице авианосцев. Были еще и в-пятых, и в-десятых, но сути это не меняло – советский флот оставался пока что темной лошадкой с весьма сомнительными перспективами.

В этом плане даже французы выглядели чуть предпочтительнее. В храбрости они русским, может, и уступают, но вот касаясь всего остального – вопрос открытый. Во всяком случае, в боях участвовали и дрались неплохо, а Жансульт – флотоводец опытный, достаточно решительный и отнюдь не бесталаный. Старые, откровенно слабые «Прованс» и «Лоррэн», он оставил в Тулоне, приведя с собой корабли, обладающие реальной боевой ценностью. Новейшие линкоры «Ришелье» и наконец-то достроенный «Жан Бар», линейные крейсера «Страсбург» и «Дюнкерк», ну и британские трофеи, ныне «Фридрих Великий» и «Мольте». В общем, достаточно мощная эскадра, вдобавок, являющаяся организационно частью немецкого флота. Вместе с ней у Колесникова получались отряд новейших быстроходных линкоров, отряд линейных крейсеров и отряд тихоходных линейных кораблей плюс авианосцы. Все с опытными, проверенными в бою экипажами. С такими силами выходить против флота США было уже вполне реально.

Ну и итальянцы подтянулись. Правда, особой эффективности от них никто не ждал, ну так хоть рядом постоят, массовой подработают. Надо сказать, адмирал Каваньяри притащил с собой буквально все, что мог. Четыре старых линкора, несущих всего-то по десятку орудий калибром триста двадцать миллиметров, и столько же новых, типа «Литторио», последний из которых, «Имперо», был введен в строй буквально только что и достраивался в дикой спешке, с помощью все той же Германии. Колесников хорошо помнил, что в прошлую войну итальянский флот, за исключением диверсантов, опозорился страшно, и эффективность его выглядела едва ли не отрицательной величиной. Так что в расчет он итальянцев особо не принимал, но на подхвате могли и пригодиться.

Помимо линейных и авианосных гигантов объединенный флот тащил с собой эскорт из крейсеров и эсминцев, а также транспортные корабли с боезапасом, топливом и десантом. Армада выходила крайне внушительная. Плюс подводные лодки, щедро рассыпавшиеся впереди. И Колесников уже заранее хватался за голову, представляя, каково это будет, совместить в единое целое огромную массу кораблей со столь разными характеристиками и уровнем подготовки экипажей. Но деваться было уже некуда, отступать поздно, приходилось играть теми картами, которые были на руках.

Местом сбора объединенного флота стал Рейкьявик. Здесь Колесникову уже приходилось бывать, причем дважды. В первый раз, когда он во время войны с Британией разнес здесь всю посуду, а второй – уже после капитуляции островной империи. Тогда исландцы, вспомнив, наверное, о предках-викингах и воспользовавшись творящимся в Германии бардаком, решили поиграть в независимость. Пришлось наспех вразумлять. К счастью, в правительстве Исландии сидели отнюдь не дураки, которые живо посчитали число вымпелов на горизонте, убытки, которые нанесут германские корабли в случае, если не удастся договориться. После этого они сравнили результат с теми выгодами, которые дает статус провинции с высокой автономией, и решили не доводить до конфликта.

Вот только Колесников в тот момент думал уже совсем по-другому. Он устал за последние месяцы настолько, что хотелось кого-нибудь убить. Претворять свою идею в жизнь он, конечно, не стал – любое дело не стоило доводить до абсурда. Тем не менее, правительство Исландии за попытку сепаратизма было арестовано в полном составе. Простые же островитяне, видя такое дело, предпочли заткнуться и не мешать серьезным людям делать серьезные дела. Так что сейчас в распоряжении новообразованного альянса имелась неплохая, очень удобно в стратегическом плане расположенная база, и именно с нее решено было начать последний бросок на Америку.

Однако события последних лет приучили Колесникова думать не только о военных аспектах вопроса, поэтому ему очень не понравилась самостоятельность японцев. Именно из-за этого он не торопился, вдобавок, задействовав силы разведки. В нюансы того, что и как они там проворачивали, он принципиально не лез, считая, что работу должны делать профессионалы, а вот о том, какой должен был оказаться результат, какие преференции получают участники операции при успехе и какие последствия будет иметь неудача, постарался объяснить предельно четко. И, как обычно, не скупился ни на посулы, ни на угрозы. А о том, что слов на ветер адмирал не бросает, знали все.

Разведчики впечатлились. Разведчики постарались. И, как показали дальнейшие события, справились. По насквозь неофициальным, но при этом считающимися в США абсолютно надежными каналам прошла информация, что выход флотов на позиции – не более чем демонстрация. Мол, должны немцы, верные союзническому долгу, продемонстрировать японским союзникам всестороннюю поддержку, вот и показывают готовность вмешаться. Демонстративно, ни от кого не скрываясь. Ну разве так серьезные дела делаются? Остальных же и вовсе только для массовки привлекли, поскольку ни итальянцы, ни русские на море воевать не умеют. Это же все знают...

Американцы купились. В иной ситуации, возможно, они вели бы себя иначе, но сейчас у них образовался настоящий цейтнот по времени. Японцы время зря не теряли и, используя завоеванное превосходство на море и в воздухе, стремительно развивали успех. В отличие от прошлой истории, у них не было второго противника в лице Великобритании, и потому они смогли сконцентрировать силы на ударе по США. Стремительным ударом захватив Филиппины, причем так быстро, что американцы даже не успели организовать сопротивление, Ямато принялся развивать успех, ставя под контроль один остров за другим. Потом успешный десант на побережье Австралии, захват Сиднея. Колесников, узнав об этом, только головой покрутил – логика японцев оказалась для него непостижимой. Лично он предпочел бы захватить Гавайи, весьма удобное со стратегической точки зрения место. Плюс тот же самый Пёрл-Харбор с его отлично развитой инфраструктурой... Но в японском генеральном штабе, очевидно, руководствовались иными соображениями.

Ну, их дело. Колесникова не особенно интересовали пока что японские завихрения, главное, чтобы силы противника на себя исправно оттягивали. Куда важнее сейчас был тот факт, что японский флот обстрелял с моря города Сан-Франциско, Лос-Анджелес и Юрика. Ничего особенного в военном отношении эти налеты не принесли, поскольку обстрел велся с дальней дистанции, подставляться под ответный удар японские крейсера, участвовавшие в набегах, не желали. Но с пропагандистской точки зрения смотрелись красиво. Для японцев, естественно.

А вот в Америке веселье по этому поводу началось нешуточное. Страна, не привыкшая, что ее обстреливают, отнеслась к данному обстоятельству крайне нервно. Вдобавок, когда снаряды упали на Фабрику Грез. Ну, поблизости от Фабрики Грез. Ну, где-то в районе расположения этой Фабрики. В общем, визгу было столько, что неосторожно оказавшиеся поблизости могли и оглохнуть.

Где-то в стране, имеющей во главе короля, диктатора или какой-либо еще жестко централизованный орган власти, на вопли можно было бы не слишком обращать внимания, действуя

спокойно, методично, продумывая каждый шаг, благо непосредственной угрозы территории США, в общем-то, пока и не существовало. Все силы и средства Япония бросила в другом направлении, это было хорошо видно даже стороннему наблюдателю. Но там, где президента избирают – или не избирают, где власть доллара, конечно, велика, но у каждого гражданина в кармане ствол, с помощью которого он может и покриковать... В общем, реагировать пришлось. И как всегда, в условиях нехватки времени, далеко не все последствия были продуманными.

Для начала в США провели вполне резонную операцию по изоляции живущих в стране японцев. Их считали потенциальной «пятой колонной», и, в общем-то, обоснованно. Около ста двадцати тысяч человек было интернировано в лагеря, отстроенные в штатах Арканзас, Калифорния, Юта и других, где, по мнению компетентных органов, они уже не могли представлять такой уж серьезной проблемы. Кроме того, часть разместили на территории недавно поставленной под контроль США Канады. Судя по тому, с какой оперативностью были проведены мероприятия, такой вариант родился в голове инициаторов отнюдь не за пять минут и прорабатывался в деталях.

Однако если первое действие американцев выглядело вполне логичным, то второе – по меньшей мере спорным. Исторически военно-морские силы США делились на две части, базирующиеся в Тихом и Атлантическом океанах. И не зря американцы так трепетно относились к контролю за Панамским каналом – по сути, это была единственная артерия, позволяющая быстро перебросить боевые корабли с одного театра на другой, чтобы усилить соответствующую группировку. Корабли США строились, исходя из возможности прохода этим каналом, что накладывало определенные ограничения на их размеры. И, как и средиземноморские коммуникации для Британии, этот канал являлся стратегически уязвимым местом для США.

Взяв за основу информацию о том, что атлантическое побережье можно считать безопасным, американцы практически моментально начали переброску части своего флота с Атлантики на Тихий океан. Ушли два авианосца, «Йорктаун» и «Хорнет», шесть линейных кораблей, включая два новейших, только что спешно достроенных. Эти линкоры типа «Айова», отлично вооруженные и быстроходные, Колесников не без основания считал наиболее грозными противниками. Ну и более трех десятков кораблей поменьше, класса эсминец-крейсер, тоже отправились на усиление терпящего одно поражение за другим Тихоокеанского флота США, что вполне устраивало злорадно потирающих руки адмиралов, наблюдающих за процессом из Рейкьявика.

Такого рода операции, как переброска практически целого флота, мероприятие чрезвычайно масштабное, требующее и подготовки, и расчета, и отлаженной логистики. Времени на подготовку у американцев не имелось, однако амбиции могут сдвинуть такие горы, о каких ум и талант не смеют даже и мечтать. Так вот, амбициозных адмиралов в Америке хватало, а вот откровенных бездарностей среди них практически не наблюдалось. И контрадмирал Мак-Кенн, флотоводец и инженер, сумел пропихнуть армаду сквозь игольное ушко канала прежде, чем японцы сообразили его заблокировать. А потом их стали больно бить...

«Шарнхорст» пришел в Галифакс на рассвете, когда солнце только-только начало окрашивать воду в бухте в золотисто-алый цвет. Зрелище было нереально красивое, и Колесников, глядя на него, улыбнулся – он вообще часто в последнее время улыбался, когда был убежден, что его не видят. Репутацию души компании он, точнее, Лютьенс, и без того имел устойчивую. Перебарщивать не стоило. Другое дело, его самого удивляло такое поведение – в той, прошлой жизни особо веселым нравом он не отличался. То ли остатки личности немецкого адмирала давали о себе знать, то ли просто нынешняя жизнь ему подходила больше, чем прежняя, куда более пресная. А может... Да и мало ли, что может быть. Колесников с определенного момента просто перестал ломать голову над ерундой, резонно полагая, что есть дела поважнее.

Город, ставший оперативной военно-морской базой Альянса, выглядел на удивление мирно. Казалось, ему не было никакого дела до грохочущей совсем рядом войны. Даже боевые корабли в гавани не портили это впечатление. Честно говоря, он и в самом деле был таким. Захватывая Канаду, американцы так и не удосужились задуматься, чем они будут защищать резко увеличившееся побережье. Когда же их флот, вдобавок, сократился из-за отправленных на Тихий океан кораблей, сил не осталось даже для того, чтобы обеспечить прикрытие крупных портов. Здесь, например, базировался всего один линкор, «Миссисипи». Эта старая, но тяжело бронированная и хорошо вооруженная громада даже оказала сопротивление – американцы не были трусами. В отличие от своих потомков, которых адмирал помнил из опыта будущего, это были не разжиревшие любители фаст-фуда и не сброд со всего мира, служащий в армии для получения американского гражданства. Это оказались деятельные, энергичные люди, готовые, случись нужда, драться всерьез.

Останки линкора, выбросившегося на берег и продолжавшего там отбиваться еще некоторое время, так и остались памятником их храбрости. Даже в чем-то небезопасной – три эсминца поддержки, воспользовавшись тем, что все внимание атакующих занято флагманом, рванули вдоль берега и смогли уйти. Один, правда, удалось догнать и потопить, но два благополучно смылись. Так что команда «Миссисипи» сделала все, что могла, а потому Лютьенс приказал оказать попавшим в плен (а их было почти восемьсот человек) всю необходимую помощь и обеспечить приемлемые условия жизни. Знакомые с привычкой командующего уважительно относиться к храбрым врагам, и немецкие, и французские моряки, участвовавшие в захвате города, восприняли этот приказ как должное.

Так или иначе, но кроме этого линкора сопротивление здесь оказала лишь рота американской морской пехоты. Крепкие, хорошо выученные молодчики дрались храбро и грамотно, но отсутствие боевого опыта сказывалось. Их немецкие коллеги, успевшие повидать смерть во всех видах, превосходящие янки в численности почти в двадцать раз и, вдобавок, поддержанные высаженными с транспортов танками, которые, правда, подоспели, когда бой уже стихал, просто смели обороняющихся. И – все!

Местные, как оказалось, совсем не жаждали воевать на стороне США. Для них американцы были всего лишь соседями, привычными и не самыми добрыми. Будучи частью Британской империи с невероятно широкой автономией, они вполне были удовлетворены своим положением, а их раз – и за жабры! А главное, не успели они еще толком освоиться с новым статусом (а также с переделом собственности, которую в добровольно-принудительном порядке подгребали под себя американцы), как все повторилось. Заявились немцы, накостыляли американцам, объявили о восстановлении всех былых вольностей, но – только после победы. И сейчас канадцы пребывали в состоянии легкого шока, но работать не отказывались, и такое положение вещей Лютьенса, да и всех остальных, в общем-то, устраивало.

Вот так и получилось, что основная база германского флота на этом континенте расположилась именно здесь. Место со всех точек зрения удобное – удобная гавань, хорошо оснащенный порт, где можно было достаточно быстро производить текущий ремонт кораблей, поблизости от основных американских портов, да вдобавок неплохо развитое железнодорожное сообщение. Вдоль линии рельсов и рванулась вперед железная германская армия, едва высадившись с транспортов, и прежде, чем кто-либо успел достойно отреагировать, заняла Монреаль. Сейчас она развивала наступление, создавая угрозу США с севера. Непривычным к такому американцам приходилось вертеться ужами, но получалось плохо.

Как уже доложили Колесникову, вчера сюда прилетел Роммель. Ну, стоило ожидать, старый товарищ давно грозился показать, как воевать надо. Он, кстати, здесь и впрямь мог развернуться, поскольку война явно приобретала уже подзабытый маневренный характер. Никакой сплошной линии фронта, никаких линий долговременных укреплений, даже никаких крепостей. Ничего удивительного – реально задействовано оказалось очень мало войск на очень

большом пространстве. Альянс использовал относительно малые силы, поскольку их приходилось тащить через океан, а США изначально имели очень маленькую относительно размеров занимаемой территории армию. К тому же значительная – и лучшая – ее часть оказалась завязана на Тихоокеанском театре. В такой ситуации старина Эрвин и впрямь мог кое-кому показать, как надо шнурки гладить, и наивно было бы полагать, что он упустит такую шикарную возможность повысить свою популярность в войсках и удовлетворить жажду побед. Как ни крути, в душе он так и остался ненавоевавшимся мальчишкой.

Швартовка прошла штатно, и город, несмотря на бушевавшую совсем рядом войну, так и не соизволил проснуться ради такой мелочи, как возвращение победителей. Точнее, одного победителя – «Гнейзенау» ушел в Европу, на ремонт. Правило о том, что любые серьезные повреждения, полученные кораблем, в случае, если нет острой оперативной необходимости именно в нем, должны устраняться срочно и на нормальных судоремонтных заводах, Колесников ввел с самого начала кампании и соблюдать старался неукоснительно. С одной стороны, это, конечно, могло приводить ко временному ослаблению флота, с другой – резко снижало риск потери корабля в будущем. Моряки, разумеется, отнеслись к подобному новшеству весьма благосклонно, да и в имидж Лютьенса такой подход вписывался. Он де в бою не жалеет ни себя, ни кого-то другого, но зато вне сражения старается обеспечить своим людям все и максимально снизить для них риск. В принципе, так оно и было.

И вот, «Гнейзенау» ушел в Германию. Точнее, ремонтировать его будут в Британии, но сейчас это было уже одно и то же. Где-то на середине пути он встретился с русским танкером, с которого пополнил запасы топлива и, если все пойдет нормально, очень скоро окажется в уютном доке, а моряки получают сутки гулянки на берегу за счет флотской казны. Еще одно нововведение, которое многие считали популистским, но оспаривать, что характерно, не смели.

«Шарнхорсту», откровенно говоря, тоже не помешал бы ремонт, но хотя бы один линейный крейсер адмиралу сейчас был под рукой необходим, а потому было принято решение попытаться устранить наиболее неприятные последствия вражеского обстрела на месте. Получится – хорошо, нет – там будет видно, тем более, «Гнейзенау» должен был достаточно скоро вернуться. Да и в Галифаксе ему предстояло находиться всего дня три – затем отсюда в Европу пойдет караван транспортных кораблей, и часть пути конвоировать его предстояло именно «Шарнхорсту».

Прошуршал шинами черный «Линкольн Зефир Континентал». Шикарная машина родом из США. Их здесь захватили в свое время десятком, если не больше, и теперь они то и дело мелькали в разных частях города, возя генералов и полковников. Эту, похоже, прислали за Лютьенсом – без лишней помпы, все знали, что танцев вокруг своей фигуры адмирал не любил, но уважение выказали. Еще бы, калибр-то у Колесникова с любым генералом, да хоть бы и фельдмаршалом даже, сейчас несопоставим.

О-па! Как оказалось, нет, не за ним, а к нему. Из автомобиля выбралась знакомая фигура в кожаном плаще и бодро зашагала к трапу. Следом, едва успевая, семенило что-то помельче, нагруженное здоровенным, английского образца, саквояжем и очень шустро перебирающее ногами. Видать, адъютант, с трудом поспевающий за патроном.

По трапу Роммель поднялся все тем же быстрым шагом, небрежно отсалютовал вытянувшимся в струнку морякам и крепко стиснул руку Колесникову:

– Приветствую, король морей. Все ходишь под своим непотребством?

– Иначе это было бы неуважением к фюреру, – пожал плечами адмирал. – Что, решил с утра пораньше?

– Да. Кофе напоишь?

– Могу и чем покрепче. Прошу, – и они двинулись в адмиральский салон.

Откровенно говоря, для русских такая встреча выглядела бы суховатой, для немцев же – едва ли не пределом того, что можно позволить себе при посторонних. И это притом, что они с

Роммелем официально считались (да и были) друзьями. Впрочем, в салоне, отослав всех куда подальше и распорядившись насчет завтрака, можно было расслабиться. Бухнуться в кресла, расстегнуть кители и вообще почувствовать себя довольными жизнью.

– Смотрю, ты опять с победой? – Роммель сосредоточенно рылся в саквояже, одну за другой извлекая бутылки весьма интересных форм. Похоже, он сюда пришел еще и затем, чтобы просто отдохнуть в приличной компании, где можно было не следить за каждым словом.

– С частичной. – Колесников поднял одну из бутылок, внимательно посмотрел на этикетку, присвистнул: – Ты что, из дому их сюда тащил?

– Ну конечно. Стану я местное пойло хлебать, как же. Нет, конечно, если другого не будет, придется, но пока есть возможность, надо выбрать что получше.

– Логично.

– Конечно, логично, – пропыхтел Роммель. Одна из бутылок чем-то зацепилась, и он никак не мог ее освободить. – А в чем частичная?

Колесников объяснил, Роммель кивнул:

– Ну, это нормально. Человек предполагает, а Бог – располагает. Где там твои...

Закончить он не успел, поскольку как раз в этот момент в салон бесшумной тенью скользнул вестовой, молниеносно сервировал стол и так же бесшумно скрылся. Роммель кивнул одобритительно. Так же одобритительно он отнесся и к выбору Колесникова – настоящей русской водке. Не бормотухе времен позднего СССР и не непонятно чему более позднему, а нынешней, действительно чрезвычайно качественной. Адмирал самолично разлил ее по рюмкам:

– Ну что, как говорят русские, вздрогнули!

– Вздрогнули, – Роммель, не отставая, осушил свою, закусил ломтиком ветчины, тоненьким и настолько нежным, что таял во рту. – Ты и сам русских словечек нахватался, и других ими заражаешь.

– С кем поведешься.

– Во-во. Кстати, вот, – фельдмаршал достал из все того же кажущегося бездонным саквояжа пакет, положил на стол. – От твоих.

– Спасибо. Как хоть они?

– Скучаешь?

– Не то слово.

– Хелен все хорошеет, – задумчиво ответил Роммель, откидываясь в кресле. – Иоганн уже вовсю бегаёт. Правда, пока не слишком быстро, но научится. Целуют и ждут – это на словах.

Некоторое время оба задумчиво молчали, а потом, не сговариваясь, приступили к трапезе, от которой оторвались уже слегка захмелевшие и осоловевшие. С утра, конечно, вроде бы и не совсем положено, тем более немцам, но эти двое уже давно плевали на условности.

– Хорошо вы, моряки, устраиваться умеете, – с некоторой завистью в голосе сказал Роммель, окинув взглядом салон. Этот разговор у них происходил каждый раз, когда они собирались у Лютьенса, и стал чем-то вроде традиции и прелюдии к серьезной беседе. – Это мы всю жизнь в грязи ковыряемся.

– Зато нам, случись что, вместе со всем этим и на дно идти, а вы в свою грязь зареетесь – никаким снарядам не выковыряешь, – не остался в долгу Колесников.

– Это верно... Знаешь, Гюнтер, мы тут посидели, подумали...

А вот теперь пошел предметный разговор. И говорил Роммель умные вещи. Прежде всего о том, что наступление, вначале развивавшееся достаточно успешно, застопорилось. Ну, это Колесников и сам знал. Ни одна война не развивается в точности по тем планам, которыми руководствуется командование. Первое же столкновение с грубой прозой жизни вносит коррективы, о которых и подозревать раньше не могли. И данный случай не был исключением.

Вообще, изначально план был продуман неплохо. Одновременная высадка на побережье Канады, с захватом крупных приморских городов и быстрым развитием успеха вдоль коммуникаций, и удар советских войск через Аляску. Все так.

Вот только проклятые японцы заставили торопиться, и подготовиться как следует просто не успели. К тому же погодные условия оказались совсем иными, чем планировалось – опять же из-за изменения сроков.

В результате если Канаду под контроль взять удалось достаточно успешно, в первую очередь потому, что ее толком и не защищали, то на большее сил уже не хватало. Потому даже, что не оказалось достаточного количества кораблей для перевозки войск и техники – многие корабли еще достраивались и только сейчас, наконец, вошли в строй. Словом, проблема.

У русских дела сложились еще хуже. Они катастрофически опаздывали с развертыванием сил – тонкая нитка железной дороги не обеспечивала достаточную пропускную способность. К тому же организация перевозок оставляла желать лучшего. А когда еще и сроки вдруг сократились... В общем, проблема на ровном месте.

Чуть позже добавился еще один фактор. Японцы, традиционно русских не любившие (как, впрочем, и наоборот), заняли угрожающую позицию, препятствуя их попыткам организовать десантирование. До стрельбы, правда, не дошло, но когда идешь под прицелом артиллерии на безоружном корабле, бодрости это не добавляет. Учитывая же, что на море японцы имели подавляющее преимущество, обеспечить прикрытие русские не могли чисто физически.

Спас ситуацию Геринг, который японцев тоже не жаловал. Рейхспрезидент лично отправился в Токио и за несколько часов сумел решить вопрос. В прошлой жизни Колесников никогда не слышал, чтобы Геринг где-то засветился в качестве дипломата, но здесь и сейчас он оказался на высоте. Правда, если верить Роммелю (а верить ему, безусловно, следовало), толстяка сейчас колотило при одном упоминании о японцах.

Так что, с опозданием почти в две недели, русские все же высадились на Аляске и довольно уверенно начали продвигаться вперед, ставя под контроль территорию. Анкоридж, основной порт Аляски, захватить удалось легко, но дальше процесс замедлился. Русская армия могла воевать в любых условиях, но все же это были не сверхпрофессионалы образца тысяча девятьсот сорок пятого года, а пока еще, в массе, не слишком подготовленные новички. И одних учений для того, чтобы обеспечить четкое взаимодействие всех подразделений, включая тыловые, оказалось маловато. В общем, Красная армия пробуксовывала, некритично, однако крайне неприятно.

Вдобавок, всплыл еще один фактор, который не принял в расчет ни Колесников, ни все остальные. Большинство советских солдат не испытывали в отношении американцев чего-либо, похожего на ненависть. Да, американцы принимали участие в интервенции времен Гражданской войны, порезвившись так, что заработали себе на четвертование, но это было давно и, кроме того, не слишком афишировалось, а потому успело подернуться дымкой забвения. Зато перед глазами имелись обратные примеры, от автозаводов до перелета Чкалова. Пропагандисты с этим откровенно лопухнулись, и теперь солдаты воевали исключительно по приказу. А воевать по приказу у русских всегда получалось хуже, чем от души.

Таким образом, наступление на США отставало от графика, и это было чревато. Серьезной армии у американцев не было, но если они успеют развернуть мобилизацию, то, с учетом их промышленности, получат пускай и ополчение, но до предела насыщенное техникой и вооружением. А уж оружием местные учатся владеть с детства. Единственное пока, что спасает, это полное отсутствие у американцев привычки воевать на своей территории. Так уж получилось, что всегда агрессорами были они, и освоиться с ролью жертвы янки никак не могли. Однако до бесконечности это продолжаться не могло, и раз уж Шустрый Гейнц и прочие генералы оказались не так стремительны, то неудивительно, что исправлять их огрехи прибыл лично Лис пустыни.

План, который он по-немецки четко и коротко, не вдаваясь в излишние детали, излагал, был, по сути, развитием прежнего. Удары на юг, перерезание железных и автомобильных дорог, блокирование промышленных центров... В общем, все как надо.

Колесников с непроницаемым лицом выслушал его до конца, а потом резко прихлопнул ладонью карту:

– Хрень.

Сказано было по-русски, но Роммель уже давно привык, что у адмирала то и дело проскакивают в речи русские слова. Должно быть, списывал на влияние Хелен. Вот и сейчас или по интонации смысл понял, или уже знал это слово.

– Почему?

– Потому что твой план не имеет запаса прочности и основан на одном-единственном допущении – нормальной работе вот этого самого чертова порта. А он нормально работать не будет.

– Думаешь?

– Знаю. Откровенно говоря, я удивляюсь, что он все еще принимает корабли и обеспечивает логистику. Смотри, – Колесников рывком склонился над картой. – Нам, точнее, армии удалось захватить американские стационарные аэродромы. Это обезопасило нас от ударов тактической авиации американцев, но у них и помимо фронтовых бомбардировщиков много чего имеется. Да и потом, никто не мешает соорудить временные аэродромы, благо обеспечить нормальный контроль территории войск тупо не хватает. Считаю, они в любой момент могут накрыть Галифакс бомбами и перетопить здесь все, разрушить и железную дорогу, и город. Именно поэтому я не завожу сюда за раз более одного крупного корабля и постоянно держу наготове истребители.

Во-во, приходится держать. Повезло еще, достались хорошие трофеи – при наступлении захватили свыше сотни исправных самолетов разных типов и кучу отличных зенитных орудий. Все это стянули к Галифаксу и приставили к делу, так что город теперь напоминал ошетинившегося иглами ежа. Однако для любого понимающего человека было ясно – против массовой бомбардировки это не спасет.

– И почему они этого не делают? – прищурился Роммель.

– Думаю, ты и сам догадываешься, – усмехнулся Колесников. – Янки – совсем не дураки, они просто ждут, когда мы потеряем бдительность, и разрушат город ровно тогда, когда им это будет выгодно. Наверняка и вариант действий, который ты предлагаешь, они просчитали. Так что сюда приходят корабли с войсками – и тут их всех разом топят. Дешево и сердито. И не говори, что твои аналитики этого не предусмотрели.

– Ты, как всегда, проницателен, – хмыкнул фельдмаршал. – Предусмотрели. Выводы у них совпадают с твоими, хотя детали, конечно, они рассматривали куда подробнее. Именно поэтому данный план будет реализовываться в качестве акции прикрытия. И утечку информации разведка организует. А вот реальный план мне придется обсуждать с тобой.

– Это хорошо, это радует, – кивнул Лютьенс, а про себя подумал, что американцы могут и не попасться на уловку с утечкой информации. Один раз уже поверили – и это дорого им обошлось...

Да, тогда получилось лихо. Начиная атаку на Америку, Колесников разделил силы. Разумеется, это всерьез ослабляло каждую из эскадр, но позволяло делать их более сбалансированными, если не по кораблям, то по уровню боевой подготовки. В результате русские корабли совместно с быстроходной частью итальянского флота двинулись на Панаму с целью перерезать канал и разрубить силы американцев. С ними же отправились практически все авианосцы и вспомогательная эскадра, состоящая из старых итальянских линкоров и тихоходных британских трофеев.

При себе Колесников оставил наиболее боеспособную часть флота, состоящую из сравнимых по характеристикам немецких и французских кораблей и, опять же, британских трюфеев. Семь линкоров, четыре линейных крейсера и «Граф Цеппелин». Ну и крейсера-эсминцы, разумеется, куда же без них. Серьезная эскадра и, вдобавок, с экипажами не только хорошо подготовленными, но и успевшими понюхать пороху. Они должны были обеспечить проводку кораблей, высадку десанта и уничтожение всех, кто не успел спрятаться. Словом, обычные задачи военного флота. Подводные лодки всех участников Альянса действовали автономно, распределив между собой секторы ответственности.

Между объявлением войны и первым залпом прошел всего час. Грамотнее, наверное, было бы вначале начать, а потом объявлять, но Колесников не хотел уподобляться ни Гитлеру, ни японцам. Нет уж, играем как цивилизованные люди, а что подготовиться не успели – так это не его проблемы. Американцы и не успели, хотя, конечно, жаль, что нечем было ни штурмовать их аэродромы, ни бомбить заводы.

Впрочем, кое-что из опыта грядущей эпохи Колесников в эту войну внес. Тем более, не такой уж и далекой эпохи – батальон (точнее, уже усиленный полк) Бранденбург-800 создали здесь еще до его появления в теле Лютьенса. В СССР нашлись свои специалисты и, как оказалось, ничуть не хуже. Ну, а итальянские диверсанты-подводники – это вообще легенда! Не в этой истории, правда, здесь они особо громко пока не прогремели, но подготовка-то никуда не делась, а остальное – дело наживное. И все это воинство долго и упорно тренировали, притирали друг к другу, готовили... В общем, получилось неплохо.

К действиям диверсионных подразделений американцы оказались совершенно не готовы. С обычными-то шпионами, в черных плащах и с фотоаппаратами, охотящимися за секретной документацией, бороться они худо-бедно умели, а вот когда человек ничего не ищет, нигде не светится, живет нормальной жизнью обывателя и просто ждет часа «Ч», им пришлось уже тяжелее. А если этого человека вообще нет? Физически. Появился насквозь нелегально, два дня пролежал в каком-нибудь перелеске, ища пути подхода, а потом сделал дело и ушел – вот это им оказалось не по зубам. Тем более, когда таких диверсантов появилось почти десять тысяч.

Прямо в порту взорвались авианосцы «Рейнджер» и «Уосп». Правда, не затонули, но в море теперь на них выйти было невозможно, да и самолеты поднять тоже. Линкор «Вашингтон» перевернулся, когда от подводного взрыва сдетонировал боезапас. Пострадали и несколько кораблей поменьше.

В порту Нью-Йорка взорвался крупный транспортный корабль, загруженный, как оказалось, пятью тысячами тонн высококлассной взрывчатки. Инфраструктура порта была чрезвычайно разрушена, взрывом «сдуло» несколько прибрежных кварталов, а знаменитая статуя Свободы рухнула прямо в море. Фактически порт прекратил работу.

Это были наиболее заметные диверсии, но на самом деле их оказалось намного больше. Взрывались на стоянках военные самолеты, слетали под откос поезда, рушились опоры линий электропередачи. На десятках военных, главным образом авиационных заводов произошли мощные взрывы, парализовавшие производство. Испытали в боевых условиях только что с подачи Колесникова созданные фаустпатроны. Как оказалось, если садануть из этой штуки, похожей на нераспустившийся вантуз, по нефтехранилищу, то гореть оно будет просто шикарно. Словом, всего за несколько часов Америка погрузилась в хаос. А главное, на время была парализована ее авиация, что, в принципе, и определило результат первой фазы войны.

Удары морских группировок были вполне эффективными, хотя, как изначально предполагал Колесников, сказались и слабость итальянцев, и относительно слабая подготовка советских моряков. И ой как не лишними оказались тут старые корабли с немецкими и французскими моряками, которые не столько даже поддерживали морально своих более современных собратьев, сколько, порой, воевали за них.

Для начала вляпался в неприятности советский крейсер «Максим Горький», торпедированный неизвестной подводной лодкой. Официально, разумеется, американской, хотя в темноте перепутать силуэты и вклеить в него торпеду могла хоть немецкая, хоть итальянская субмарина. Копать Лютьенс не стал – если даже и «дружественный огонь», то итальянцы будут отмазываться, а Денниц тем более своих не сдаст. Да и крейсер не затонул, серия 26-бис очень живучие корабли. Однако месяца два на ремонт уйдет, не меньше. И повезло еще, что это оказался не «Молотов» с его самой мощной среди советских крейсеров радиолокационной станцией.

Потом охранявшие подступы к каналу только что вступившие в строй линкоры «Массачусетс» и «Индиана» вместо того, чтобы отступить перед превосходящими силами противника, дали настоящее сражение. На их стороне были, пожалуй, только очень удачные орудия и хорошее знание этих вод, где маневрирование вблизи побережья весьма затруднялось гидрологией района. В результате всего-то получасового боя американцы последовательно выбили из строя вначале идущий головным «Литторио», а затем и второй в линии, «Рома», причем командующий итальянской эскадрой, адмирал Карло Бергамини, был убит. Взрыв бронебойного шестнадцатидюймового снаряда разрушил боевую рубку итальянского флагмана вместе со всеми, кто в ней находился.

После таких потерь, понесенных в первые же минуты боя, итальянцы смешали строй и принялись отходить, ведя беспорядочную стрельбу. При этом добиться попаданий им так и не удалось – несмотря на чрезвычайно длинноствольные орудия, выплевывающие снаряды с просто невероятной начальной скоростью, точность огня оставляла желать лучшего. Сложно сказать, было это следствием конструктивных недостатков орудий, либо врожденной косорукости итальянских артиллеристов. То и другое равновероятно, а может, тут вмешались оба фактора, но, так или иначе, американцы сейчас вели «по очкам» с огромным счетом.

Вот после этого и пришел черед русских. Ставя их в одну группировку с итальянцами, Колесников надеялся, что традиционные русские смелость и находчивость хотя бы отчасти смогут компенсировать низкую стойкость недостойных потомков римлян. В целом, ход мыслей оказался верен – русские не побежали, когда вокруг идущего головным «Советского Союза» начали падать снаряды. И вот тогда американцы поняли, что значит драться по-настоящему.

Командовал русской эскадрой и операцией в целом адмирал Николай Герасимович Кузнецов. Правда, итальянцы его приказы демонстративно игнорировали. Этот момент был ожидаем, и Колесников специально обсуждал с русским адмиралом, как вести себя в этом случае. Решили действовать по немецкой системе – собрать максимум запротоколированных примеров, а потом, сразу после первого крупного прокола макаронников, отдать их командование под трибунал. Честно говоря, хотелось это сделать немедленно, но – союзники, приходится разводить политесы. К тому же на глазах грозного немца итальянские адмиралы хоть и скрипели зубами, но открытого неповиновения не выказывали. Так что – ждать прокола, и это, с одной стороны, никому не нравилось, с другой же – устраивало всех.

Так вот, Кузнецов произвел на Лютьенса-Колесникова чрезвычайно хорошее впечатление. Молодой для своего звания – ему не было еще и сорока – с простым, открытым лицом. Карьеру делал не за столом, а в море, командуя кораблями, и получалось у него это хорошо. Профессионал до мозга костей. Правда, боевого опыта маловато, всего-то командировка в Испанию, но это – дело наживное. Словом, натаскать в бою – и можно рассчитывать, что помимо Жансуля будет еще кто-то, способный в случае нужды вести самостоятельные действия. Вот поэтому Колесников и отправил в этот рейд именно его – пускай учится.

Надо сказать, Николай Герасимович не подкачал. Хотя к месту боя он подошел всего с тремя линкорами (на «Советской Украине», достроенной в дикой спешке и весь поход «баловавшей» хозяев нештатными ситуациями, случилась поломка в машине, и корабль отстал, присоединившись к тихоходному крылу эскадры), американцы сразу почувствовали разницу

между русскими и итальянцами. Советские моряки оказались обучены куда лучше макаронников и ненамного хуже самих американцев. А главное, они были храбрее итальянцев...

Бой начался на совсем небольшой, всего около восьми миль, дистанции, которая стала быстро сокращаться. Кузнецов помнил историю предыдущих сражений и то, что перестрелка издала – это пустая трата снарядов. Сейчас он искал оптимальную для себя дистанцию боя, при которой мог использовать преимущества своих кораблей. А преимуществ тех хватало.

Линкоры типа «Советский Союз» были, наверное, одними из лучших в своем классе и по формальным показателям уступали разве что едва-едва введенным в строй японским монстрам типа «Ямато». Время очного противостояния этих кораблей еще не пришло, но, как подозревал Колесников, более продуманные и сбалансированные советские корабли вряд ли уступят своим визави. Сейчас же они и вовсе были в своей стихии. Большая скорость, лучшая защита, орудия с лучшей баллистикой... А главное, их все-таки было три.

Американцы пытались компенсировать малую численность кораблей ударами авиации с береговых аэродромов, но получалось это у них из рук вон плохо. Самолетов здесь они держали мало, в основном устаревших моделей – для того, чтобы гонять полудиких латиносов, больше и не нужно. Поднятые с авианосцев истребители встретили их еще на дальних подступах и принялись методично ронять с небес в джунгли. Американцы дрались отчаянно, однако против разницы в классе не попрешь, а у Альянса здесь и сейчас были и лучшие истребители, и лучшие пилоты.

Сквозь отчаянную воздушную карусель прорвались не более десятка В-25, пара «Лайтнинг» и четверка «Вархоков». Не теряя даром времени, вся эта разношерстная компания попыталась навалиться на «Советскую Россию», что было в высшей степени непрофессионально. Идущий вторым в линии, линкор был связан в маневре, но при этом малоуязвим, прикрываемый зенитками двух собратьев и нескольких держащихся позади строя крейсеров и эсминцев. Учитывая, что все корабли были зенитками просто утыканы (ради них даже специально купили лицензию на производство двадцатимиллиметровых «Эрликонов», самой, наверное, эффективной системы этого времени), атака изначально была обречена. Первый же «Митчелл», попытавшийся зайти в атаку, превратился в огненный клубок от прямого попадания стомиллиметрового снаряда, его ведомый потерял крыло и, будто сухой лист, скатился по ставшему вдруг таким ненадежным воздуху прямо в волны.

На их товарищей такой финал подействовал отрезвляюще. Рванув в сторону стаей перепуганных голубей, они некоторое время перестраивались, а потом попытались нанести удар еще раз, но вяло, без огонька. Бомбардировщики сбросили свой груз с высокой горизонтали. Там они были в относительной безопасности от зенитного огня, но и точность была соответствующая. В цель попала одна-единственная бомба, причем всего-то пятидесятикилограммовая. Взрыв оставил вмятину на толстой бронированной палубе «Советской Белоруссии», двоих контуженных под ней – и все, этим ущерб от него и ограничился.

Чуть больше проблем доставили те бомбы, которые прошли мимо цели. Пытаясь уклониться, линкоры на какое-то время даже сломали строй, но восстановили его почти сразу, как налет закончился. А сбросившие бомбы американские самолеты рванули прочь – возвращались мессершмитты, и жалкое истребительное прикрытие вряд ли спасло бы американцев, возмись за них всерьез. К счастью для них, преследовать бегущих не стали. Мессершмитты возвращались на последних каплях горючего и с израсходованным боезапасом, многие поврежденные, а кое-кто и вовсе не дотянул. Словом, было просто не до улепетывающего врага.

А тем временем внизу разворачивалось классическое, совсем как в прошлые времена, линейное сражение. В этом бою не было места изящным маневрам, просто тупой обмен ударами. Примерно через час упорной перестрелки американцы сообразили, что еще немного – и их прижмут к берегу. К моменту, когда их корабли начали отступление, досталось всем участникам, но обороняющимся закономерно больше. На «Индиане» вышла из строя кормовая

башня главного калибра – снаряд с советского корабля не смог пробить броню, но для механизмов хватило и сотрясения. Броневого пояса корабля оказался пробит в нескольких местах, корабль горел. «Массачусетс» лишился радара и мачты, пожаров на нем тоже хватало. И, хотя советским кораблям тоже изрядно досталось, они сохранили и огневую мощь, и управляемость, а потому было ясно, что если так будет продолжаться дальше, то американским кораблям скоро наступит конец. Решение отступить было закономерным и правильным. Эсминцы поставили дымовую завесу, и под ее прикрытием линейные корабли прорвались в открытый океан, благо на ходовых качествах их повреждения пока не сказались. Их пытались преследовать, но безрезультатно – разница в полтора узла не давала шансов настигнуть американцев до темноты, а играть в лотерею под названием «ночной бой» совершенно не хотелось.

Зато пока новейшие корабли мерялись главным калибром, эскадра тихоходных линкоров и поддерживающие их линейные крейсера добрались до главной цели, и под прикрытием их орудий началась высадка десанта. Относительно небольшого – два полка советской пехоты и три десятка танков Т-34 в последней модификации, с длинноствольным семидесятишестимиллиметровым орудием и хорошей немецкой оптикой. Задачей десантников было захватить инфраструктуру и заминировать сам канал, чтобы, в случае невозможности его удерживать, можно было привести в негодность и при любых раскладах не допустить использование канала противником.

Укрепления на островах, теоретически обязанные остановить агрессора, в реальности оказались неспособны противостоять ударному флоту и были покинуты сразу после того, как десантники под прикрытием огня тяжелых орудий начали высадку. Основные бои развернулись в районе города Колон, там, где канал соединялся с океаном. Сам город даже не пытались брать – не было смысла тратить время и силы на эту дыру. Советские части просто охватили его с двух сторон, вышли к берегу канала и только после этого вступили в непосредственный огневой контакт с противником.

Им противостояли американский полк и две дивизии местной, панамской армии. Слабостью обороняющихся было то, что танков у них практически не имелось – джунгли считались малопригодными для использования боевых машин. Плюс советские части были до отказа насыщены минометами, а также пулеметами, обычными и крупнокалиберными. Костяк этих полков составляли бойцы, прошедшие Халхин-Гол и Хасан, имеющие боевой опыт. Ну и, естественно, натаскивали их тоже не как обычную пехоту, а намного серьезнее. Увы, не было поддержки с воздуха, но и американцы тоже вынуждены были обходиться без нее. И, разумеется, весомый аргумент любого спора – боевые корабли Альянса, смешавшие с землей все на берегу.

Наступление по правому флангу развивалось ни шатко, ни валко. Американский полк, уже давно поднятый по тревоге, занял укрепления и встретил русских вполне достойно. Потеряв несколько человек и два танка, красноармейцы не стали выстилать брустверы собственными телами – их от этого старательно и упорно отучали все последние месяцы. Вместо этого они отошли и вызвали поддержку с моря. Корабли подкинули огонька, с воздуха провели штурмовку мессершмитты. С подвешенными под крыльями советскими РС-82 в осколочно-фугасном исполнении, они устроили американцам сладкую жизнь. После огневого налета и штурмовки те отошли на запасные позиции, но дальше дело вновь застопорилось.

Тот, кто оборудовал эти позиции, дело знал. С моря их было просто не достать, навесной огонь корабельным орудиям недоступен. Для минометов же укрепления оказались слишком прочными.

Будь в гарнизоне только американцы, пришлось бы выбивать их большими трудами и огромными жертвами, но, к счастью, здесь слабое звено нашупали очень быстро.

Панамцы оказались далеко не столь хороши. Да, их было до хрена, однако почему-то горячие латиноамериканские парни воевать совсем не жаждали. Виной тому собственная трусость или тот факт, что воевать пришлось бы фактически не за себя, а за янки, протектора-

том которых Панама являлась, не так важно. И даже практически шестикратный перевес на подвиги их сподвигнуть не смог. Едва первые столбы на месте падения пятнадцатидюймовых «чемоданов» взлетели к небесам, как среди панамцев возникла и стремительно, будто лесной пожар, распространилась паника.

Фронт, точнее, жалкая на него пародия, рухнул, когда вперед двинулись танки, легко проходя участки, считающиеся непреодолимыми. Восемь танков панамской армии, старье британского производства, сгорели, не успев причинить тридцатьчетверкам ни малейшего вреда. На том организованное сопротивление и закончилось, местные побежали, бросая вцепившихся зубами в землю американских союзников, и уже через полчаса все было кончено. Американцы умели воевать – но только если остается хоть какая-то надежда на победу. Когда же тебя обложили со всех сторон, с моря обстреливают, с неба бомбят, связи нет, а главное, защищать нечего, поскольку русские уже двинулись дальше вдоль канала, беря его под контроль... В общем, они сдались.

Вот так. Операцию решили признать вполне успешной, поскольку цель ее – взятие под контроль Панамского канала – была достигнута. Адмиралу Кузнецову приписали, как Колесников и планировал, крупный стратегический успех. Ну а что два американских линкора все-таки ушли – так в том вина итальянцев, вначале игнорировавших приказы, а затем и вовсе бежавших с поля боя. Ату их!

Под трибунал ушло сразу больше двух десятков итальянских офицеров высших рангов. Дуче там, у себя, рвал, метал и жаждал кого-нибудь убить, но все, чего он смог добиться, это что их просто выслали на родину. Взамен Колесников недрогнувшей рукой расставил итальянских же лейтенантов, заявив, что скорее предпочтет видеть на мостике храбрую бесшабашность, чем осторожную трусость. И выдернул на самый верх капитана второго ранга Боргезе, выбив для него у Муссолини сразу же звание контр-адмирала. Дуче попытался было дернуться, но перед альтернативой получить взамен того же Боргезе, но в звании немецкого адмирала, решил на конфликт не идти. Все же его моряки облажались, а Боргезе только что провел успешные операции по подрыву американских авианосцев и линкора, находился на вершине славы и популярности и был фигурой, устраивающей всех. В личной беседе Колесников сказал ему тогда:

– Князь, я не был в том бою и не знаю всех нюансов. Не знаю, чем руководствовались командиры ваших кораблей. Но знаю, что когда четыре линкора, поддерживаемые сзади еще дюжиной, бегут от двух, это позор. Возможно, американцы и впрямь оказались неожиданно сильны, но бежать с поля боя командиры ваших кораблей не имели никакого права, они как минимум обязаны были оказать поддержку русским. И ваша задача, сеньор адмирал, сделать так, чтобы этого не повторилось. Именно от вас зависит, станет итальянский флот легендой или исчезнет в небытии.

– Я понял вас, – бравый подводник смотрел не по-итальянски уверенно и спокойно.

– Это радует. И имейте в виду – вам и далее предстоит работать с русскими. Думаю, у вас получится – опыт-то богатый.

Такой вот тонкий намек на то, что жена Боргезе – русская. Да не просто русская, а самая настоящая княжна из рода Романовых. А может, и великая княжна – в таких нюансах Колесников не разбирался и не собирался забивать голову ерундой. Главное – русская, праправнучка самого Александра Первого, а это о многом говорит.

– Так вы и сами подобным опытом обладаете в избытке, – князь не лез в карман за словом и совершенно не боялся – похоже, это чувство ему вообще не было особо известно, а Колесникову нравились храбрые люди.

– Обладаю, естественно. И не надо мне завидовать.

– Чему?

– Моя моложе...

Адмиралы переглянулись и рассмеялись. Похоже, контакт налачился. Колесников залез в бар, выудил бутылку настоящей русской водки, вопросительно взглянул на итальянца. Тот кивнул, соглашаясь, и, набулькав по рюмкам этого бюджетного варианта счастья, моряки продолжили обсуждение вопросов уже в куда более мирной обстановке. И, как показалось Колесникову, они поняли друг друга...

Но все это – чествование Кузнецова, перетряски в итальянском флоте – произошло уже чуть позже. А в тот момент Колесников и сам находился в море, ведя десант к побережью Канады.

Откровенно говоря, это был один из немногих случаев, когда немецкий адмирал ошибся. Он-то рассчитывал, что американцы попытаются отразить нападение. Именно поэтому, имея достаточное количество линейных кораблей, он разбил силы на две эскадры. Для противостояния на равных обеим у янки возможностей сейчас не хватало. Но вот чтобы попытаться уничтожить одну из них – так почему бы и нет? Именно поэтому эскадра, идущая на Панаму, была формально намного сильнее, большее число кораблей должно было компенсировать худшую подготовку. По всем прикидкам, справиться с ней у американцев вряд ли получилось бы, и, в любом случае, риск выглядел запредельным. А вот те корабли, которые вел он сам, выглядели слабее и формально, и численно. Стало быть, на них и попытаются навалиться. А за себя он не боялся – и не таких бил.

Но вот чего Колесников не ожидал, так это того, что с ним не будут драться. Вообще! Вместо того, чтобы защищать свое побережье, американцы оттянули силы в метрополию, фактически сдав Канаду.

На взгляд адмирала, это выглядело глупо – подводные лодки Германии и СССР создавали теперь серьезную помеху любой попытке американского флота проявить активность. К тому же немецкие войска оказывались фактически на территории США. Однако если враг хочет ошибаться – стало быть, пускай он ошибается, решил Колесников, тем более, что сдавать назад было уже поздно. В результате десант прошел без усилий, определив победоносное начало первого этапа кампании. Это, конечно, добавило адмиралу очков как победителю, но зато грозило проблемами в дальнейшем, и потому предложения Роммеля, дающие реальный шанс завершить войну одним решительным ударом, он принял с энтузиазмом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.